

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Потусторонним
ВХОД
воспрещен!

ЭКСМО

Наталья Николаевна Александрова

Потусторонним вход воспрещен!

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6114784

Александрова Н. Н. Потусторонним вход воспрещен!: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-66231-9

Аннотация

Случайно встретить бывшего однокурсника в поезде Москва – Санкт-Петербург и спрятать его в багажном отделении своего купе от полиции – очень в духе сыщицы-любительницы Надежды Лебедевой! Виктора Бегунова подозревают в убийстве попутчицы. Надежда помогает ему скрываться и сама занимается поисками настоящего преступника, а заодно и собственной пропавшей сумки, в которой находятся жизненно важные вещи: две игрушечные мышки для кота Бейсика и взятое взаймы у подруги вечернее платье...

Книга также издавалась под названием «Убийство в спальном вагоне».

Наталья Александрова

Потусторонним вход воспрещен!

Поезд тронулся, и за окном поплыли лица провожающих людей с раскрытыми ртами – все что-то кричали напоследок, но было не слышно, что именно. Надежда видела улыбающееся лицо племянника Димки, он бежал за вагоном дольше всех – молодой, здоровый, как лось. Вот мелькнул последний носильщик с пустой тележкой, перрон кончился, и начались какие-то пакгаузы, склады и стрелки. Надежда оторвалась от окна и откинулась на диванчике.

Она возвращалась в Петербург из Москвы, от родственников. Родня была дальняя, Надежда не виделась с ними лет десять – как-то не выпадало случая. Но в этом году у ее троюродной тетки случился юбилей – девяносто лет.

«Это тебе не кот начихал! – заявил теткин сын, уж и вовсе непонятно кем приходящийся Надежде. – Так что бери ноги в руки и дуй к нам на праздник! Всех соберем!»

Надежда согласилась – все же нужно уважать такой возраст. Тем более что тетка была самостоятельна, бодра, голову имела светлую и помнила всю родню до седьмого колена.

Все прошло замечательно, богатая московская родня закатали шикарный прием в дорогом ресторане, на который

съехались родственники со всей России. Тетка была родом из Сибири, так что и там нашелся какой-то внучатый племянник, которого Надежда в глаза никогда прежде не видела.

Когда все закончилось, тетка сказала Надежде, что ей до дома ближе всех, так что она может остаться подольше, чтобы поговорить. Пришлось согласиться, чтобы не обижать пожилого человека. Но Надежда Николаевна ничуть не жалела, потому что тетка за три дня, умолкая только для того, чтобы поесть и малость поспать, рассказала ей много интересного про прежние времена, про их многочисленную родню. Память у нее была отличная. Выяснилось кстати, что тетка – это не тетка, а двоюродная бабушка, что, конечно, не так важно.

Билет Надежда сдала, а когда собралась все-таки уезжать, поскольку дома с нетерпением ожидали ее муж и кот, то племянник Димка притащил ей билет в СВ – других не было. Надежда подозревала, что билеты были, просто эти москвичи вечно шикуют. Ну да ладно, СВ так СВ!

Надежда Николаевна Лебедева, приличная женщина средних, скажем так, лет, ехала в СВ второй раз в жизни. Первый раз это случилось очень давно, когда она работала еще инженером в закрытом НИИ. Получилось так, что Главному конструктору серьезного проекта, над которым трудилась тогда едва ли не половина института, требовалось после совещания в Министерстве что-то там подправить в доку-

ментах. Само собой, что начальству такое не под силу, и Надежду послали вместе с начальником только для того, чтобы она кое-что подтерла в технической документации, а потом вписала несколько цифр. Главный конструктор ездил, разумеется, только на «Красной стреле» и только в СВ, таким образом, Надежда тоже там оказалась.

Та поездка оставила у нее самые скверные воспоминания. Главный конструктор привык ездить с размахом. Поскольку в СВ разъезжают в основном респектабельные мужчины исключительно по деловой надобности, он возил с собой солидную фляжку с хорошим армянским коньяком. Попутчики коротали дорогу за серьезной мужской беседой, попивая чай с коньяком, и расставались утром, вполне довольные друг другом. С Надеждой у Главного такой номер не прошел, и он глядел на нее хмуро и грозно, пока не легли спать. Ночью Надежде тоже не было покоя, потому что Главный ужасно храпел.

Сегодня, войдя, она с любопытством оглядела просторное чистое купе, посидела на удобном диванчике, потом распаковала вещи, вытащила нужное на ночь и перемигивалась с Димкой через окно, пока состав не тронулся.

Поезд постепенно набирал ход, за окном было темно. Надежда посидела немного, бездумно глядя на улетающие назад цепочки фонарей, потом потянулась и зевнула. Первый час ночи, пора и на боковую. Завтра в восемь утра поезд прибудет в Петербург, и еще через некоторое время она увидит

своего дорогого мужа Сан Саныча и обожаемого Бейсика. Хотя нет, мужа она увидит лишь вечером, у него какое-то важное совещание, он не сможет Надежду встретить. И ничего страшного, вещей у нее с собой мало, она прекрасно доедет на метро. До вечера переделает массу дел и станет ждать мужа в компании кота Бейсика. В гостях хорошо, а дома лучше!

«Все-таки не зря все начальники в СВ ездят, – одобрительно думала Надежда, – культурно все здесь, комфортно, и еще повезло, что женщина в попутчики попалась».

Незадолго до отхода поезда слышались тяжелые шаги, и высокий парень внес в купе внушительных размеров чемодан. Не отвечая на Надеждино приветствие, он оглядел купе быстрым рысьим взглядом, запихнул чемодан под полку и посторонился, давая войти солидных размеров женщине. Дама, которую хотелось назвать гражданкой, была широка в плечах и плотна телом. На ней был темно-серый костюм – дорогой, отметила Надежда машинально, но сидел на ней так, как будто это был не костюм, а форма. Военная или полицейская, Надежда еще не решила.

– Свободен, Коробейников! – бросила дама парню. – Сейчас поезд тронется!

– Слушаюсь, Галина Иванна! – парень вытянулся и даже попытался щелкнуть каблуками, – Счастливого пути!

– Испарись! – буркнула дама, и парень исчез, даже в окне не появился.

Попутчица тут же схватила мобильный телефон и вышла в коридор, откуда раздался ее рокочущий командный голос.

– Дорофеев! Как у тебя с делом Комковатого? Докладывай! Да-да, прямо сейчас!

Она послушала немного, прижав трубку к уху, потом заговорила на повышенных тонах:

– Что ты все мямлишь, Дорофеев? Что ты мнешься, как малолетка на танцах? Ты не мальчик и я не девочка, говори как есть!

«Точно, не девочка, – подумала Надежда, которой прекрасно слышен был голос соседки, его и в другом вагоне слышали бы, – кто скажет, что это девочка, пускай первым бросит в меня камень...»

Невозможно было представить эту тетку маленькой девочкой с косичками и с мячиком. Судя по разговору, она связана с полицией или прокуратурой.

– Да, – сурово говорила она в трубку, – да... поняла. Тут у тебя недоработка, Дорофеев, в сроки не укладываешься... – И рывкнула, пресекая оправдания на том конце: – Ты мне Лазаря не пой! Взяли тоже моду – слова умные употреблять! Как ни крути, а дело ты провалил! Знаю, что постарайся... еще бы не постараться...

«Интересно, Комковатый – это кличка или фамилия? – раздумывала Надежда. – Если фамилия, то вот уж повезло человеку! Комковатая бывает манная каша у неумелой хозяйки или земля на дачном участке, но уж никак не чело-

век...»

Дама в коридоре перехватила Надеждин заинтересованный взгляд и понизила голос:

– Дорофеев, завтра ко мне к десяти утра со всеми материалами! Уж будь любезен! – Она раздраженно захлопнула крышку мобильного телефона и решительно шагнула в купе. Сначала дама прочно утвердилась на противоположном диване, потом поглядела на попутчицу долгим внимательным взглядом. Взгляд этот просветил Надежду почище рентгена, с той только разницей, что рентген делает снимок только одного органа, а тут просветили даже не до печенок, а гораздо глубже. Надежде Николаевне понадобилось все ее хладнокровие, чтобы выдержать этот взгляд.

Соседка стала копаться в сумке, и Надежда перевела дух, испытыв даже некоторое сочувствие к неизвестному ей Комковатому, которому завтра предстояла встреча с пронизывающим взглядом дамы напротив. Хотя, возможно, Комковатый – это опасный преступник – рецидивист, серийный маньяк, который, к примеру, душил девушек в Сосновском парке, или же он убил старушку, как Раскольников, тогда на него просто необходимо смотреть таким взглядом. Хотя... старушки тоже разными бывают, так что в деле могут открыться смягчающие обстоятельства.

– Вас как зовут? – спросила вдруг соседка вполне человеческим голосом. – А то неудобно как-то – едем вместе...

Надежда представилась, тогда Галина Ивановна вытащила

из своей сумки большую коробку конфет.

– Чай будем пить!

Надежде конфет не хотелось, поскольку Димка перед отходом поезда затащил ее в кафе и напоил там кофе с пирожными. На чай она согласилась – неудобно человека обижать.

– Вы молодец, – одобрительно сказала соседка, – сладким не увлекаетесь, а я вот не могу себе отказать. Силы воли не хватает. Да еще дарят все время...

Надежда Николаевна решила не уточнять, что на сладкое смотреть не может, потому что целую неделю объедалась всякими вкусностями у тетки.

Поговорили о диетах и зарядке, потом о косметике и о тряпках – словом, обычный разговор малознакомых женщин, столкнувшихся случайно и не собирающихся продолжать знакомство дальше. Галина Ивановна больше на Надежду страшным взглядом не смотрела, о работе своей обмолвилась только, что с полицией связана, да Надежда и сама уже догадалась.

Решили ложиться. Надежда достала из дорожной сумки кожаный несессер с умывальными принадлежностями и отправилась в конец коридора.

Очереди не было никакой – вот что значит СВ! Выходя, Надежда увидела, что возле одного из купе стоят двое – мужчина и молодая женщина. У мужчины в руках был пухлый кожаный портфель, у девушки – дорожная сумка. Проводница, кругленькая блондиночка с кудряшками на щеках, улы-

балась:

– Я уж думала, что пустое купе будет, так до Питера и поедем.

– Опоздали из-за пробок этих, – мужчина слегка запыхался, – вскочили в последний вагон. Давно так не бегал!

Голос его показался Надежде смутно знакомым, и она вгляделась пристальнее.

Мужчина был интересным – высокий, светлые, густые, чуть растрепавшиеся волосы лежат красивой волной, что, несомненно, достигается частыми визитами к хорошему парикмахеру. Лицо гладкое, чисто выбритое, ни морщин, ни веснушек. Легкий ровный загар, говорящий об отпуске, проведенном возле теплого моря. И вообще – вид отдохнувший и свежий, несмотря на то что волновался и торопился. Он повернул голову к своей спутнице, и Надежда снова почувствовала что-то знакомое. Определенно, она уже видела где-то этого мужчину, у нее очень хорошая память на лица.

Девушка тоже была неплоха. Высокая, стройная брюнетка, волосы подстрижены неровными прядями, что придавало лицу с правильными чертами некоторую эффектную асимметричность и загадочность. На девушке был черный короткий плащик, туго стянутый широким поясом, и узкие черные джинсы наверняка очень дорогой фирмы. Наряд оживляла ярко-желтая шелковая косыночка. Девушка почувствовала пристальный взгляд и повернула голову, косынка сползла, и в вырезе плаща открылась длинная шея.

Мужчина открыл купе. Девушка вошла за ним, напоследок одарив Надежду не слишком любезным взглядом. Где-то ее можно понять. Надежда вылупилась на чужого мужчину слишком явно. С другой стороны, с чего девушке беспокоиться, ведь конкуренции ей Надежда никак составить не может... даже по возрасту, но не только. Еще – потому, что, глядя на этих двоих, сразу же становилось ясно, что они – пара. Мужчина не обнимал свою спутницу за плечи, не привлекал по-хозяйски к себе, она не льнула к нему и не заглядывала в глаза, смеясь. Они не перебрасывались короткими многозначительными фразами, содержащими намеки на какие-то события и воспоминания, известные только им двоим. Они даже не держались за руки, идя по вагону, – руки были заняты багажом. Но Надежда как будто воочию видела незримые нити, которые связывали этих двоих, и нити эти были крепче самого прочного каната. Чувствовалось, что в купе едут не просто попутчики, а близкие люди, люди, которые понимают друг друга не то что с полуслова, а с полувзгляда, им спокойно и комфортно быть рядом, молчать, смотреть в окно...

И вовсе незачем смотреть на Надежду так нелюбезно, она и не собирается приставать к парочке с разговорами.

Дверь купе открылась, и молодая женщина вышла покурить. Ее спутник протянул из купе руку с зажигалкой, и этот жест снова показался Надежде удивительно знакомым.

Надежда Николаевна пожала плечами и отправилась к се-

бе. Соседка уже спала.

Надежда разобрала постель и тоже легла. Но сон не шел. Было неудобно на узком диване, мешал стук колес на стыках и мелькание огней за окном. Надежда задернула как могла занавеску, но тут в купе стало жарко. Так и есть: топят как будто зимой, а на дворе ведь сентябрь, еще и листья не пожелтели!

Сна не было ни в одном глазу. Надежда попробовала считать до ста, но ей это быстро надоело. Даже зевать не хотелось, и тогда Надежда поняла: кофе. Не нужно было поддаваться на Димкины уговоры и пить кофе на ночь. Но кто мог подумать, что в кафе на вокзале варят такой крепкий напиток? Да еще и духота в купе несусветная, дышать нечем.

«СВ называется, – ворчала Надежда про себя, – кондиционер не могут поставить. Или хотя бы печку выключить».

Может, пойти к проводнице и попросить, чтобы убавила тепло? А то изжариться можно...

Но тут же Надежда представила, что скажет ей разбуженная посреди ночи проводница, и решила никуда не ходить. Перед закрытыми глазами снова встало лицо мужчины, которого она видела только что в коридоре. Вот теперь она будет мучиться, пока не вспомнит, где могла его видеть. Работали когда-то вместе? Нет, не то... Сталкивались на отдыхе? Ничуть не бывало, да Надежда и к морю-то ездила считанные разы с маленькой дочкой. Нет, никак не вспомнить. Это как назойливая мелодия, неотступно звучащая в голове.

Она проснулась оттого, что поезд стоял. За окном виднелись вокзальные строения, кто-то прошел торопливо, сказал что-то проводнице, она звонко рассмеялась. Голос из репродуктора, как всегда, гулко и неразборчиво объявил, что скорый поезд Петербург – Москва отправляется через минуту.

«Бологое», – поняла Надежда, прикинув по времени и глядя, как уплывают огни за окном.

Дышать в купе было нечем, под тонким одеялом было жарко, как в Африке. Надежда поняла, что на этот раз заснуть не удастся, и села, спустив ноги с дивана. Галина Ивановна негромко всхрипнула, перевернулась на бок и снова затихла. Все ей нипочем – и вагонная духота, и стук колес... железная женщина! Такая не то что коня – танк на ходу оставит!

Надежда Николаевна сама удивилась внезапно возникшему раздражению. Чем она недовольна? Тем, что соседка по купе спокойно спит, в то время как она, Надежда, мается бессонницей? Так сама виновата, нечего было кофе пить на ночь...

Галина вдруг пробормотала во сне что-то непонятное, как будто произнесла фразу на незнакомом, несуществующем языке. Надежда вздохнула, оделась, стараясь не шуметь, и тихонько вышла в коридор.

В коридоре было немного прохладнее. Приглушенный свет, мягкий ковер болотно-зеленого цвета, уютные занавески.

весочки на окнах. Надежда прошла к тамбуру, приоткрыла окошко. В лицо хлестнул ветер, стук колес, огни пролетающего мимо полустанка. Запахло осенним лесом, ночью, дальней дорогой. Раздражение сразу же прошло, на душе стало легко и свободно, как в осеннем поле. Надежда стояла, подставив лицо сырому дорожному ветру, и бездумно смотрела во тьму.

И тут как будто ветром продуло голову, и она стала лучше соображать, потому что иначе ничем не объяснить, отчего Надежда вспомнила имя мужчины, который ехал с ней в одном вагоне.

Виктор Бегунов. Ну да, это же Витка Бегунов, ее бывший однокурсник! Надо же, как человек изменился... Раньше был такой худущий, востроухий. Правда, волосы у него всегда хорошие были, Витка носил длинные, а когда на третьем курсе на военной кафедре его обстригли, девчонки чуть не плакали. Вот интересно, чем он сейчас занимается? Да уж не прозябает в какой-нибудь заштатной конторе, видно, что человек преуспевает, ишь как упакован! Костюмчик модный в узкую полосочку, ботинки опять же шикарные, портфель дорожный. Надежда видела такой в магазине, когда искала подарок мужу, к этому портфелю и подойти не решилась. И опять же, девица – молодая и стильная. Кто она ему – жена или просто любовница? Если любовница, то все очень серьезно.

«Вот как бывает, – с легкой грустью думала Надежда, –

начинали вместе, а теперь совсем разные люди. Ничего общего у меня с этим человеком быть не может. Он меня в упор не видит, да я сама-то его еле узнала. Хорошо, что не призналась, да и как бы я это сделала? К нему просто так не подойдешь, по плечу не хлопнешь... Да еще девица эта не обрадуется, когда тетя вроде меня вдруг обниматься полезет. Может, он вообще ей врет, что ему не пятьдесят, а, допустим, сорок пять. Или вообще сорок. А что, выглядит он молодо...»

Они познакомились с Витькой в колхозе на первом курсе, он был из параллельной группы, близко не дружили, но сталкивались часто то в общежитии, то в спортзале, то в бассейне. Обменивались конспектами к экзаменам, одно время Витька крутил роман с девочкой из их группы Светкой Ивановой. Кажется, что-то у них потом было... Да нет, ничего, Светка замуж вышла за болгарина и уехала с ним в Варну. Ну и ладно, бог с ним!

Надежда вдохнула полной грудью сырой воздух и высунула голову в окно.

Огни полустанка отстали, провалились в пустоту. Теперь из летящей мимо поезда гулкой тьмы проглядывали только смутные очертания ночного леса. Потом и лес отстал,ступился, уступив место бесконечной голой равнине.

Дорога сделала плавный поворот, и вдруг впереди по ходу поезда мелькнул какой-то тревожный багровый свет.

Надежда насторожилась, выглянула в окно, насколько

могла, взгляделась в этот далекий отсвет.

Впереди, там, на плавной дуге поворота, что-то ярко полыхало, стремительно летело навстречу поезду.

И тут весь поезд вздрогнул, как раненое животное, раздался тоскливый долгий гудок, затем другой, и Надежда с трудом удержалась на ногах – поезд начал резко, с мучительным скрежетом тормозить.

Вагон сразу же проснулся – кто-то вскрикнул, кто-то выругался, что-то со звоном падало. Мимо Надежды пробежала взволнованная, заспанная проводница в криво застегнутой форменной тужурке, кудряшки ее растрепались и повисли.

– Что там случилось? – спросила Надежда тревожно.

Проводница растерянно взглянула на нее, махнула рукой и скрылась в тамбуре.

Надежда снова выглянула в окно.

Теперь ей было хорошо видно – впереди поезда, совсем близко, прямо на путях полыхала машина, большой громоздкий грузовик. Машинист сумел остановить состав буквально в нескольких метрах от горящего автомобиля. Надежда вздрогнула, запоздало испугавшись, и бросила взгляд в другую сторону – вдоль изогнувшегося на повороте длинного суставчатого тела поезда. И тут она увидела, что из соседнего вагона кто-то выпрыгнул на насыпь, съехал по ней, настороженно огляделся и припустил в темноту – пригнувшаяся фигура, осторожные крадущиеся движения. В руке какой-то

прямоугольный предмет – чемодан или портфель. В стороне от путей дважды мигнули фары машины и тут же погасли, человек побежал в том направлении и вскоре скрылся в темноте.

Странно, подумала Надежда, что машина посреди ночи стоит с потушенными фарами...

Впрочем, она тут же забыла об этом.

В коридор один за другим выползали заспанные, перепуганные пассажиры. Все спрашивали друг друга, что случилось, и самое удивительное, что через несколько минут по вагону уже курсировала информация, что на путях впереди поезда застряла горящая машина, и придется стоять, пока ее не уберут с дороги.

Одной из первых в коридоре появилась Галина Ивановна. В отличие от остальных попутчиков она совершенно не выглядела заспанной. Казалось, она готова в любую минуту взять ситуацию под контроль. Мало этого – всем окружающим тут же захотелось встать навытяжку и послушно ожидать ее приказаний.

Оглядевшись и мгновенно выяснив причину неожиданной остановки, Галина Ивановна отправилась в первый вагон, чтобы получить верную информацию.

Когда в коридоре собрались почти все пассажиры, через вагон быстрым шагом прошли два рослых парня в форме железнодорожной полиции. Пассажиры бросились к ним с вопросами, но полицейские придали своим бесхитростным ли-

цам выражение «знаю, да не скажу» и скрылись в тамбуре.

Надежда Николаевна хотела уже вернуться в свое купе, но в это время произошла новая неприятность.

Какая-то полусонная женщина в шелковом халате выплыла из туалета, прошла по коридору и открыла дверь купе.

И тут же дико завизжала. Выскочив в коридор, она, не переставая визжать, налетела на лысого коренастого мужчину, оказавшегося, к счастью, ее мужем, и разразилась у него на груди бурными рыданиями.

Муж поглаживал ее по спине, пытаясь успокоить, и спрашивал, что ее так напугало.

– Там... там... – повторяла женщина сквозь рыдания, показывая на полуоткрытую дверь купе.

Муж открыл дверь пошире, заглянул туда и попятился.

Надежда Николаевна почувствовала характерное покалывание в кончиках волос, которое случалось у нее всякий раз, когда она сталкивалась с преступлением.

Не удержавшись, она заглянула в купе через плечо мужчины.

Увиденная картина отчетливо запечатлелась в ее мозгу, как, бывает, темная комната или ночной сад ярко и отчетливо выхватывается из темноты фотовспышкой.

На столике валялась опрокинутая бутылка виски (видимо, упала в момент торможения), рядом лежала открытая коробка швейцарского шоколада. Диваны были застелены, один –

пуст, сбившиеся простыни сползли на пол. Но второй...

На нем, вольно раскинувшись, лежала красивая молодая девушка с широко открытыми глазами.

В первый момент Надежде показалось, что на ней надета темно-красная ночная сорочка. Но потом она поняла, что по нежно-розовой ночнушке растеклось огромное пятно крови.

Муж рыдающей женщины торопливо задвинул дверцу купе и отступил в сторону. Однако через минуту ужасная новость распространилась по всему вагону.

Оказалось, что перепуганная женщина спросонья толкнулась в чужое купе и там увидела окровавленный труп. Подлинные события быстро обрастали немислимыми подробностями, и скоро какая-то пожилая дама, увешанная бриллиантами, как новогодняя елка игрушками, страстным возбужденным шепотом рассказывала Надежде, что в закрытом купе произошла перестрелка между двумя криминальными группировками, и там сейчас лежат семь трупов, а единственный уцелевший бандит сбежал, для чего и остановил поезд. Надежда сочувственно покачала головой и удалилась в свое купе, подальше от суеты и пустых разговоров. Правда, открывая дверь, она вспомнила таинственную фигуру, сползающую по насыпи, мигнувшие дважды автомобильные фары...

Но тут же обо всем этом забыла.

Среди ночи она проснулась, села, отбросив одеяло, пото-

му что было ужасно жарко, и невыносимая тяжесть давила на грудь. Она смутно помнила, что снова приснился кошмар. Ей часто снились кошмары, с тех пор как умер отец. Обычно они были трех видов. В этот раз приснился самый знакомый.

Она идет по длинному коридору того самого бизнес-центра, где находится ее издательство. Идет быстро, так что мимо мелькают одинаковые двери, выкрашенные зеленой краской. Все двери плотно закрыты, никто из них не выходит. Коридор пуст, никто ее не обгоняет и не попадаетсся навстречу. Она знает, что идет в бухгалтерию – оттуда звонили и велели срочно явиться. Поэтому она так торопится – чтобы успеть до обеда. Однако время проходит, она чувствует, что устала, а бухгалтерия все еще далеко. По-прежнему мелькают по бокам двери, сливающиеся в одно зеленое пятно. Она смотрит на часы и видит, что обед уже скоро, и она не успеет, но продолжает бежать. И вдруг осознает, что коридор изменился – нет аккуратно покрашенных сероватых стен, и потолка с встроенными галогенными лампами, и двери уже не зеленые, а разномастные – где-то железная, неприятного рыжего цвета, где-то – разохшаяся дубовая, покрытая облупившейся масляной краской, где-то старинная арабская, какую она видела в Тунисе, – резная, бирюзового цвета, усеянная фигурными заклепками. Коридор понемногу расширяется, уже не видно стен, и потолок теряется в высоте. Она понимает, что зашла не туда и что нужно вернуться, ее пугает темнота впереди, однако почему-то она продолжает идти туда.

И вот, когда темнота обволакивает ее своими щупальцами, кто-то бесшумно приближается к ней и хватается за горло. Это не призрачное прикосновение, она знает, что человек абсолютно реален, он сильный и злобный. Она пятится и упирается спиной в каменную шероховатую колонну. Человек наклоняется ближе, и она чувствует в его дыхании запах подсолнечных семечек. Внезапно он отпускает ее горло, она пытается вдохнуть, но тут в сердце возникает резкая боль, и она проваливается в темноту...

Она уставилась на прямоугольники ночного света на полу, медленно приходя в себя. Кошмар был знакомый и привычный, она не слишком его боялась, как не боишься всего хорошо знакомого. Иногда ей даже удавалось убедить себя во сне, что это неправда, что это понарошку. Тогда темнота не подползала, она пробиралась по пещере на ощупь, едва не налетая на бесчисленные каменные колонны, и видела в темноте неясное пятнышко света. После этого она вдруг оказывалась в том самом бесконечном коридоре с зелеными дверями по бокам и понимала, что в бухгалтерию безнадежно опоздала.

Но сегодня было что-то иное. Эти сильные и страшные руки у нее на шее, резкая боль в конце – и провал в бездонную темноту, откуда нет и не будет возврата. Что это было? Она прислушалась к себе. Сердце как будто не болело и билось ровно, руки не дрожали, испарина на лбу высохла. Боли не было, однако осталась память о ней. И еще – страх и

ощущение невосполнимой потери.

Закрыв за собой дверь купе, Надежда Николаевна застыла, почувствовав спиной чье-то присутствие.

Впрочем, для этого не требовалось никаких сверхъестественных навыков или особенной чуткости: за спиной у Надежды было слышно хриплое дыхание и какой-то странный ритмичный звон – примерно такой издает на стыках рельсов ложечка в чайном стакане.

«Только не паниковать!» – приказала себе Надежда и медленно обернулась.

Сбоку от двери, тесно вжавшись в угол купе, стоял бледный испуганный мужчина. Он хрипло, неровно дышал, как будто только что пробежал стометровку, и трясся мелкой дрожью. Тот ритмичный звон, который слышала за спиной Надежда, издавал металлический замочек молнии на его полурасстегнутой куртке. Все его лицо оплыло от страха, как восковая свеча, и поэтому Надежда не сразу узнала своего бывшего однокашника.

Зато Бегунов на этот раз ее узнал.

– Надя, это ты?! – прошептал он испуганным свистящим шепотом. – Тише, ради бога, тише! Не кричи!

– А я и не собираюсь, – проговорила Надежда вполголоса. – А что это с тобой? Что ты тут делаешь?

– Прячусь, – честно признался Виктор.

И только тут до Надежды Николаевны дошли две совер-

шенно очевидные вещи: во-первых, что купе, в котором нашли зарезанную женщину, – то самое, в котором ехал Бегунов. И во-вторых – что жертва преступления и есть вчерашняя спутница Виктора.

В первый момент, увидев раскинувшееся на диване мертвое тело, Надежда ее не узнала, потому что трудно сопоставить окровавленный труп с молодой, привлекательной, хорошо одетой женщиной.

– Витя! – выдохнула Надежда в ужасе, без сил опустившись на свой диван. – Витя, это ты ее убил?

– Да что ты, Надя! – прошептал он в ответ, испуганно покосившись на дверь купе. – Как ты могла подумать?

– А что я, по-твоему, должна думать? Твоя спутница зарезана, ты сбежал из купе... почему ты сбежал?!

– А что мне было делать? Ты только представь: я проснулся от сильного толчка, чуть не свалился с дивана, поезд стоит... я включил ночник, посмотрел на часы, а потом увидел... точнее, сначала почувствовал, что на моем одеяле что-то лежит. Спросонья я схватился за этот предмет и только потом разглядел, что это нож... окровавленный нож! Я вскочил, окликнул Алису... она не отвечает... я наклонился над ней и увидел, что она мертва! Зарезана!

Надежду передернуло. Она тоже видела убитую девушку и представила себе, что почувствовал в тот момент Виктор. Представила его ужас...

– Я быстро оделся, – продолжал он вполголоса, – выска-

чил в коридор... а там идут два человека в полицейской форме! Я ужасно испугался и юркнул в первое попавшееся купе... оно оказалось твоим!

Надежда молчала, и Бегунов подумал, что она не верит ему.

– Представь... если меня нашли бы на месте преступления... и тут же нож, наверняка с моими отпечатками пальцев... сама подумай – кто бы поверил, что я не виноват? Я сам себе и то не очень верю... вот и ты тоже не веришь... меня наверняка тут же арестовали бы, и разбираться никто бы не стал – чего разбираться, если есть готовый подозреваемый, и все улики налицо...

– Но сейчас твое положение еще хуже... – проговорила Надежда растерянно. – Ко всему прочему ты еще и сбежал... Послушай, Витя, – добавила она неуверенно, – а ты никогда не страдал лунатизмом?

– Ты что – думаешь, я убил ее во сне?! – лицо Бегунова из смертельно бледного внезапно стало красным. – Да ты что! Впрочем... – Он потупился и закончил гораздо тише: – Да я и сам подумал об этом... но... но есть еще одна важная деталь, о которой я тебе не сказал. Из купе пропала одна очень важная вещь.

– Что еще за вещь? – Надежда оживилась, глаза ее заблестели в предчувствии тайны.

– Портфель... я вез из Москвы портфель с очень важными бумагами. Этот портфель исчез. Значит, пока я спал, в купе

кто-то побывал. Наверное, он и убил Алису...

– Или она... – машинально пробормотала Надежда.

– Она?! – вскинулся Бегунов. – Ты думаешь, это была женщина?

– Нет, я как раз ничего не думаю. Но это могла быть и женщина.

И тут вдруг она вспомнила сбегаящую по насыпи фигуру, осторожные крадущиеся движения... в руке у неизвестного был портфель. Или чемодан? И дважды мигнувшие из темноты автомобильные фары...

– Ты не веришь мне... – безнадежным голосом произнес Виктор.

– Нет, почему же... – протянула Надежда Николаевна. – Как раз я верю... вопрос не в этом – вопрос в том, поверят ли тебе другие?

– Надя, ты не могла бы спрятать меня в этом купе? – говорил Бегунов робким, умоляющим голосом, совершенно не подходящим к его представительной внешности.

– Спрятать? – Надежда не смогла скрыть своего удивления. – Но даже если тебя не найдут сейчас – твои данные есть у проводницы! Ведь ты покупал билет по паспорту!

– Конечно! – Он снова перешел на горячий, взволнованный шепот, – Но одно дело, если меня арестуют прямо здесь, сейчас, на месте преступления, когда все улики против меня, и совсем другое – если я доеду до Питера, доберусь до своего офиса, свяжусь с адвокатом... тогда у меня будут ка-

кие-то шансы! Надя! Помоги мне!

В его голосе была такая мольба...

Надежда понимала, что, помогая Бегунову, она совершает очевидную глупость. Больше того – преступает закон, становится соучастником преступления... но в то же время она вспомнила событие тридцатилетней давности.

Она только что поступила в институт и вместе с остальными первокурсниками поехала на картошку. Студенты отработали первую неделю, на выходные их отпустили в город. Все вереницей тянулись через поле к станции, до поезда оставалось минут двадцать. Надя задержалась, отстала от остальной ватаги и решила срезать дорогу. Она быстро шла по сырому, вязкому полю. Впереди уже виднелись станционные постройки, но вдруг она, зазевавшись, поскользнулась и съехала в глубокую канаву. Ногу пронзила острая боль...

Надя пыталась выкарабкаться из канавы, но подвернувшаяся нога не повиновалась, в сапоге хлюпала холодная вода, по щекам ползли злые грязные слезы.

И вдруг над краем канавы появился знакомый парень из параллельной группы. Кажется, его звали Витька...

Витька вытащил ее из канавы, озабоченно оглядел ногу, подставил свое плечо, а когда понял, что она едва идет, буквально на себе потащил к станции.

На поезд они, конечно, опоздали. Пока сидели на станции, дожидаясь следующего поезда, Витька стащил с нее сапог, осмотрел ногу, туго перевязал ее своим носовым платком,

надел свой сухой носок. Витька... Витька Бегунов...

Особенной дружбы у них потом не было, но Надя не могла забыть тот случай. И сейчас была ее очередь подставить ему плечо.

– Да, Вить, я попробую тебя спрятать... но, вообще-то, тебе сильно не повезло... Знаешь, кто у меня соседка? То ли генеральша полицейская, то ли прокурор...

– Ох ты... – Бегунов схватился за голову. – Вот уж не везет так не везет...

– Это точно, – согласилась Надежда. – Но в любом случае нужно торопиться... генеральша наверняка скоро вернется...

Она оглядела купе, думая, куда можно спрятать человека. К тому же такого, как Виктор, – довольно крупного.

Как ни крути, единственное место – рундук для чемоданов под крышкой дивана. Надежда подняла крышку и показала туда:

– Лезь!

Виктор в первый момент ужаснулся, но тоже понял, что других вариантов нет, и с трудом уместился в тесный рундук, подогнув ноги и скорчившись, как младенец в утробе матери.

Только Надежда успела опустить крышку рундука и поправить сбившуюся постель, как дверца купе отъехала и на пороге появилась Галина Ивановна.

– Уже подъехал трактор с соседней станции, – сообщила

она. – Сейчас он столкнет с путей обгоревшую машину, и мы поедем дальше. Но часа на полтора все равно опоздаем... – В голосе Галины Ивановны прозвучала глубокая озабоченность, потеря драгоценного времени ее чрезвычайно огорчила.

Надежде показалось, что соседка посмотрела на нее подозрительно.

Она уселась на разобранную постель и проговорила честным голосом:

– А шофер этой сгоревшей машины не пострадал?

– То-то и оно, что шофера в машине не было! Сбежал, мерзавец! Побоялся, что придется отвечать... Ну, ничего, его быстро разыщут! А то, что сбежал с места аварии, будетотягчающим обстоятельством...

Надежда невольно применила слова генеральши к Виктору и тяжело вздохнула.

– И не надо ему сочувствовать! – воскликнула Галина, по-своему истолковав этот вздох. – Вот вечно мы всех жалеем! Такая у нас, у женщин, жалостливая натура! А ведь от его раздолбайства и так большой вред, расписание нарушено, занятые люди дорогое время потеряли, а если бы машинист не успел затормозить – могли быть десятки жертв! Или даже сотни!..

Надежда подумала, что слова о жалостливой женской натуре вряд ли относятся к ее попутчице.

Вдруг ее слегка подбросило на сиденье: наверное, Виктор

повернулся в рундуке, пытаясь поудобнее устроиться.

– Никак трогаемся? – проговорила Галина Ивановна, взглянув на Надежду, – Кажется, поезд дернулся...

В это мгновение дверь купе отъехала в сторону, и в проеме появились те двое полицейских, которых получасом раньше Надежда видела в коридоре.

– Документики попрошу! – произнес старший из них, с сержантскими нашивками.

Надежда засуетилась, полезла в сумочку, вытащила паспорт. Галина Ивановна молча, без всякой суеты протянула сержанту твердую красную книжечку. Тот захлопал глазами, покраснел, затем побледнел и вытянулся в струнку.

– Виноват, товарищ генерал! – выдавил он севшим от волнения голосом. – По всему поезду документы проверяем... приказ начальства... если бы знал, я бы не посмел...

– Ни в чем ты не виноват! – усмехнулась Галина. – Приказ есть приказ, проверяешь документы – так у всех проверяй!

– Так точно! – Сержант от усердия пустил петуха. – Убийцу ищем... поэтому все вагоны приказано проверить...

– Убийцу? – удивленно переспросила Галина Ивановна. – Разве при экстренной остановке были жертвы?

– Никак нет! – сержант приободрился, поняв, что генерал не все знает. – В этом вагоне убита женщина. Ее попутчик пропал... скорее всего, он и есть убийца...

Надежда снова почувствовала толчок снизу: на этот раз Виктор, наверное, дернулся от волнения. Чтобы скрыть этот

подозрительный факт от полицейских, а особенно – от наблюдательной Галины Ивановны, она привстала, чтобы взять со столика бутылку минеральной воды.

– Почему вы думаете, что убийца – попутчик той женщины? – спросила она, отпив глоток.

Сержант посмотрел на Надежду недоуменно. С одной стороны, она казалась особой, недостойной внимания, и отвечать ей вовсе не обязательно. С другой – ехала в одном купе с генералом... кто ее знает, может, тоже большое начальство!

– Потому что кто же еще? – проговорил он строго. – Опять же, купе ночью изнутри запирают, так что никто посторонний туда попасть не может... и сбежал, опять же, чем подтвердил свою вину...

Диван под Надеждой снова вздрогнул.

– Наверное, сейчас поедem... – с надеждой в голосе проговорила Галина Ивановна.

– Разрешите продолжить проверку? – отчеканил сержант, повернувшись к ней. Кажется, он окончательно свыкся с высоким званием пассажирки.

– Разрешаю, сержант! – ответила та и, едва дверь захлопнулась за полицейскими, повернулась к Надежде:

– Странно, однако, – поезд остановился, и тут же – убийство...

Диван под Надеждой снова вздрогнул, но на этот раз вздрогнула и посуда на столе, и зеркало на стене, лязгнули стыки между вагонами, и поезд медленно двинулся вперед.

– Ну, слава богу, наконец поехали... – вздохнула Галина Ивановна и снова принялась переодеваться ко сну.

На этот раз Надежда даже не пыталась заснуть: к стуку колес, к духоте, к сонному бормотанию попутчицы прибавилось сознание того, что под ее диваном, неудобно скорчившись, лежит живой человек.

Спустя примерно час, убедившись, что со стороны Галины доносится ровное сонное дыхание, изредка перемежающееся тихими музыкальными всхрапами, Надежда свесилась с дивана, приткнулась к щели рундука и прошептала:

– Ну, как ты там?

Дыхание Галины затихло, и генеральша хорошо поставленным голосом проговорила:

– Нормально!

Надежда замерла, испуганно глядя на соседку. Но та перевернулась на другой бок и снова заснула.

Больше попыток разговаривать с Виктором Надежда не предпринимала. Заснуть она тоже не смогла, так и пролежала до утра, ворочаясь с боку на бок и прислушиваясь к доносящимся из рундука звукам. То ей казалось, что она слышит дыхание Виктора, то все затихало, и она в панике замирала, думая, не умер ли он там от удушья.

Действительно, если даже в купе была немыслимая духота, то трудно было даже представить, что чувствует скорченный и запертый в диване человек...

«И почему это должно было случиться именно со мной? –

обреченно думала Надежда. – Подумать только, в Москве я не была несколько лет. И как только собралась навестить родственников – появляется Витька Бегунов, с которым мы не встречались лет двадцать, да не один, а с девицей, девицу тут же убивают, а Витька просит меня о помощи. Отчего он не побежал в другое купе?»

Тут перед мысленным взором Надежды предстал разгневанный муж, как это часто бывало, когда Надежда Николаевна попадала в разные неприятности. Ибо муж ее, Сан Саныч, был твердо уверен, что все неприятности Надежда навлекает на собственную голову своим легкомысленным поведением. Она вечно суется куда ее не просят, понукаемая своим феноменальным любопытством.

«Но что я должна была делать в этой ситуации? – по инерции стала оправдываться Надежда. – Сдать Витьку милиции? Так-то я отплатила бы ему за дружбу! Или не входить в свое купе первой, подождать Галину Ивановну? Та-то уж не растерялась бы, самолично Витьку бы задержала. А я видела человека, который соскочил с поезда, если Витя невиновен, то девушку убил он, больше некому. Можно проверить списки пассажиров, вычислить, кого нет...»

Надежда вспомнила вдруг, как в Бологом кто-то разговаривал с проводницей, и поняла, что убийца подсел именно на этой станции. В Москве без билета сесть трудно, да еще в СВ. В Твери – рано, вдруг кто заметит. А в Бологом – в самый раз, глубокая ночь, пассажиры спят. Сунул проводнице

денег, она и пустила. Так что не найти его, потому что никто не видел, а проводница ни за что не признается – может работы лишиться.

Надежда тяжело вздохнула.

Этой ночью она так и не смогла уснуть. За окном заливалась в чьей-то машине сигнализация, по полу тревожно бегали квадраты тусклого ночного света. Чувство потери не проходило. Осознав это, она горько усмехнулась в темноте. Опять начинается прежняя депрессия. Какая еще потеря? Она давно уже потеряла самое дорогое – отца, и примирилась с этой потерей. Ее сумел убедить в этом психиатр, которого притащил Стас.

Оттуда не возвращаются, сказал доктор, вы должны осознать, что никогда уже не увидите отца живым. Не вините себя в его смерти, он долго и тяжело болел, и смерть была для него избавлением.

Доктор повторял это много раз, и однажды она не выдержала и рассказала ему все.

Отец так и не оправился после инсульта. В больнице сказали, что надо радоваться тому, что парализовало его только частично. Отец мог ходить, немного подволакивая ногу, правая рука была скрючена и прижата к боку. Он ничего не говорил, только мычал, ей казалось, что сердито и недовольно.

Врачи обещали, что со временем речь восстановится, но

отец чувствовал себя все хуже и хуже, раздражался по пустякам, смотрел на дочь, злобно сверкая глазами, она же всякий раз принималась плакать от жалости к нему. Тогда он еще больше злился.

В издательстве пошли навстречу и разрешили работать дома, поскольку она не могла оставить отца одного, он был абсолютно беспомощен, рубашку не мог застегнуть одной рукой. Нужна была сиделка, дорогие лекарства, массажистка и занятия по восстановлению речи стоили много денег, которых не было. Отец до болезни читал лекции по физике для студентов вечернего отделения, она редактировала чужие тексты, преимущественно по научно-популярной тематике. Накоплений у них не было. Врачи пожимали плечами и не давали никаких обнадеживающих прогнозов, да она и сама видела, что отцу все хуже и хуже. И вот, когда однажды утром он не смог здоровой рукой удержать чашку с горячим чаем, она решилась и сказала, что нужно попросить денег у матери. Он закричал на нее – страшно, без слов. Не закричал – завыл. Она ужасно испугалась, тогда он дрожащей рукой нацарапал на листке бумаги одно слово – «Прокляну!».

Больше они не затрагивали эту тему, но отец стал с ней суров, даже груб. Он с трудом вставал с кровати, здоровая рука тоже плохо двигалась, ей приходилось кормить его с ложечки. Потом он слег, врачи дали понять, что конец близок, а она уже так измучилась, что приняла это сообщение спокойно. Каждое ее утро начиналось с кошмара – она боялась,

что, войдя в комнату к отцу, найдет его на кровати мертвым.

А когда это действительно случилось, первым чувством было облегчение. Потом пришло горе, но она никак не могла забыть то облегчение и корила себя за него.

Выслушав ее сбивчивый рассказ, доктор нахмурился и выписал ей таблетки. Не наркотик, нет, успокаивающе улыбнулся он на ее вопрос, но эти таблетки помогут вам расслабиться и крепко спать по ночам.

Стас явился через две недели после похорон – без звонка и предупреждения, просто позвонил в дверь, и она открыла, не спрашивая, кого это принесло на ночь глядя.

Стас был ее бывшим мужем. То есть фактически настоящим, потому что они еще не оформили развод, хоть и не общались больше года. Стас был обаятельный негодяй с дивной улыбкой, слишком широкой, чтобы быть искренней. Он был веселый и находчивый, душа любой компании, он играл на гитаре и пел приятным голосом, переставляя в песнях слова, чтобы было смешнее. Когда они познакомились три года назад, ей было... двадцать девять. Не то чтобы сильно хотелось замуж, но было лестно иметь рядом такого симпатичного мужчину. Он вносил в ее довольно скучную жизнь приятное разнообразие.

Отец ничего не сказал, и она слишком поздно заметила, что Стас ему не нравится. Отец до болезни был добрым и мягким человеком, никогда ей ни в чем не перечил и хотел

видеть ее счастливой.

На этой приятной ноте нужно остановить воспоминания.

Она спустила ноги с кровати, попыталась нащарить тапочки, привычно не нашла их на обычном месте и не удивилась этому. Прошлепав босыми ногами до ванной, она включила свет и уставилась на себя в зеркало. Вид мало впечатлял: бледная, глаза красные, темные волосы в беспорядке рассыпались по плечам... После смерти отца она сильно похудела, и шея, казавшаяся слишком длинной, жалко торчала из выреза ночной сорочки.

Она нашла в шкафчике прозрачный пластмассовый флакончик с таблетками, вытряхнула одну на ладонь и задумалась. От таблетки она заснет, а утром встанет ко всему равнодушная. Доктор называет это спокойствием и безмятежностью. Ей же кажется, что состояние после таблеток ненастоящее, что это не она выходит на улицу и едет на работу в переполненном вагоне метро, а совсем другая женщина – невозмутимая и толстокожая, равнодушная ко всему. Рука ее дрогнула, и таблетка покатилась по кафельному полу. Она не стала ее искать.

Привычный вид в зеркале привел ее в чувство. Боль почти забылась, как и кошмар. Но все-таки... она расстегнула сорочку, больно было вот здесь, под левым соском, как будто... как будто ударили ножом.

Наконец, тьма за окном поредела и отступила, наступило

утро. Надежда приподняла краешек занавески.

Наверстывая потерянное время, поезд мчался мимо золотящих роц, мимо маленьких просыпающихся поселков.

Галина Ивановна все еще спала. Проснулась она только от стука проводницы, которая известила о скором прибытии в Петербург.

Генеральша мгновенно поднялась, подхватила полотенце, несессер с туалетными принадлежностями и удалилась в туалет.

Надежда соскочила с дивана, подняла полку и заглянула внутрь.

– Ну как ты – живой?

– Не спрашивай! – прохрипел из рундука свернувшийся буквой «зю» Бегунов. – Ну что – приехали?

– Потерпи еще полчасика! – И Надежда торопливо захлопнула крышку, потому что дверь купе уже начала открываться.

Едва поезд остановился на Московском вокзале, в купе влетел бравый лейтенант. Лейтенант был молодой и румяный, волосы его топорщились, непокорные расческе. Лихо щелкнув каблуками, он приветствовал генеральшу не по уставу:

– Утречко доброе, Галина Иванна! Хорошо ли в дороге спалось?

– Разговорчики, Никодимов! – буркнула генеральша, с утра настроение у нее было не очень.

Парень резко поскучнел, подхватил ее чемодан и двинулся к выходу. Генеральша, однако, вполне по-человечески простилась с Надеждой и двинулась следом.

Едва дождавшись ее ухода, Надежда Николаевна захлопнула дверь купе и подняла полку:

– Ну все, приехали, выбирайся!

Кряхтя и стеная, Виктор выполз из своего убежища и чуть не повалился на пол: ноги, затекшие от неудобного положения, совершенно его не держали. От лощенного моложавого мужчины, который вчера вечером вошел в вагон СВ, не осталось и следа. Волосы больше не лежали красивой волной, лицо приобрело тусклый землистый оттенок, под глазами набрякли мешки. На щеках выступила неровная седоватая щетина. Теперь ему можно было дать не пятьдесят лет, а гораздо больше. Впрочем, Надежда представила, как она сама выглядит после всех треволнений бессонной ночи, и расстроилась.

Надежда усадила Виктора на диван и принялась растирать онемевшие конечности. Несчастный стонал и охал, как всякий мужчина. Надежда помалкивала, вспоминая, как он заботился о ней тридцать лет назад, как растирал подвернувшуюся ногу... Как сидел вместе с ней два часа на пустынном перроне, как провожал потом до самого дома, потому что поезд прибыл очень поздно, метро не работало, и ей было страшно одной брести по темным улицам.

Наконец Виктор смог встать на ноги.

Надежда сложила свои вещи и выглянула в коридор.

Последние пассажиры выходили, негромко переговариваясь.

– Пойдем скорее, пока не все разошлись. В толпе тебя никто не заметит.

Она протянула ему симпатичную кепочку, которую купила в подарок мужу. С грустью оторвав бирку, она тут же призвала себя к порядку: у человека судьба решается, а ей кепочки жалко!

Виктор надвинул кепку на самые глаза, поднял воротник и двинулся к выходу следом за Надеждой.

Возле дверей вагона стояла хмурая проводница. Взглянув на нее, Надежда готова была поклясться, что девушка тоже не сомкнула глаз со времени незапланированной остановки. Еще бы, волновалась, что кто-то мог видеть неучтенного пассажира!

– Спасибо вам большое, до свидания! – пропела Надежда с преувеличенным энтузиазмом, стараясь заслонить собой мрачного спутника.

Проводница ответила, машинально скользнув взглядом по пассажирам, и повернулась к приближающемуся бригадиру. Невдалеке от двери вагона, пережидая толпу, маялись двое людей с носилками – понятно, по чью душу. Впрочем, душа-то, как сообразила Надежда, как раз уже ни при чем, отлетела уже душа у покойницы где-то в районе Бологого.

Надежда с Виктором поспешно влились в поток пассажи-

ров, движущийся по перрону.

– Такси недорого, такси недорого! – бормотали озабоченные мужчины, которых обтекал этот поток.

– Возьмем машину? – Бегунов обернулся к Надежде.

– Не здесь! – проговорила та сквозь зубы, не поворачивая головы. – Здешние таксисты все под колпаком у полиции, они тут же сообщат, кого посадили и куда привезли, так что с таким же успехом можно прямо идти сдаваться в ближайшее отделение! Мы возьмем машину на площади перед вокзалом или, еще лучше, на Лиговском проспекте...

Однако ее плану не суждено было осуществиться.

Дорогу им заступил коренастый мужичок в кожаной куртке.

– Такси недорого! – произнес он, доверительно склонившись к Надежде.

– Не нужно! – привычно отмахнулась та.

– Нужно! – возразил таксист, не уступая дорогу.

– Что значит – нужно? – возмутилась Надежда. – Пропустите!

– Вам же сказали, что нужно! – раздался голос у нее за спиной, и сильные мужские руки схватили Надежду за локти.

Скосив глаза на Виктора, Надежда Николаевна увидела, что его тоже подхватили под руки двое плечистых парней.

«Полиция! – поняла Надежда. – Вычислили все-таки... И меня теперь возьмут, как соучастницу! Вовек не оправда-

ешься!»

– В чем дело? – по инерции попробовала она возмутиться, закрутила головой...

Только что перрон был полон людей, а тут он как будто по мановению волшебной палочки вымер, опустел. По крайней мере, та его часть, где находились Надежда с Виктором. Последние редкие пассажиры старались как можно скорее проскочить мимо, опустив глаза в землю, делая вид, что ничего не замечают.

– Только шуметь не надо! – прошипел незнакомый голос в самое ухо. – Никому из нас не нужны лишние неприятности!

Надежда забеспокоилась – как-то неправильно ведут себя эти полицейские, про неприятности говорят. Уж кто-кто, а они-то никаких неприятностей не боятся! И шум их тоже нисколько не беспокоит...

Она дернулась было, стараясь вырваться, но чья-то грубая рука ткнула ее кулаком в печень так, что потемнело в глазах. Когда же боль отпустила, желание сопротивляться пропало.

Надежду и Виктора повели куда-то в сторону, провели между газетным лотком и киоском, торгующим всякой дорожной снедью. Их подвели к синему микроавтобусу с яркой надписью «Доставка цветов», втолкнули внутрь. Дверцы захлопнулись, и микроавтобус сорвался с места.

– Куда вы нас везете?! – возмущенно проговорила Надежда.

Ее не удостоили ответом.

Сидевший рядом с водителем мужчина средних лет достал мобильник, позвонил кому-то, вполголоса сообщил:

– Да, мы его взяли... везем... и женщину тоже...

«Точно, они не полиция, – думала Надежда, – эх, поздно я сообразила, надо было на перроне орать «караул!». Люди бы заметили, если бы не заступились, то настоящей полиции сообщили... Хотя ее Виктор как раз и боится, а эти-то кто такие еще на нашу голову...»

Она переглянулась с Виктором – мол, кто такие? Он едва заметно развел руками и покачал головой – понятия не имею, сам в догадках теряюсь... Салон микроавтобуса был без окон, но через окошко водителя Надежда видела, что свернули на Лиговский.

Кроме них, вместе с водителем в автобусе было четверо людей. Мужчина средних лет в неприметном сером плаще вроде бы старший в группе, двое рослых плечистых парней в одинаковых черных куртках, одинаковой рыжеватой масти, только один был еще к тому же в черных очках, а другой нет. Водителем оказался тот самый коренастый мужичок в кожаной куртке, что остановил Надежду под видом таксиста.

Машина повернула, Надежда вытянула шею, чтобы проследить, куда именно, и тут же сильная рука опустилась на плечо.

– Сидеть смирно! – прошипел парень в темных очках. – Головой не вертеть! – он еще сильнее вдавил ее в сиденье.

– Отпусти, больно! – буркнула Надежда, но парень будто

не слышал и давил на шею.

Надежда Николаевна Лебедева всегда считала себя женщиной крепкой и подвижной, на здоровье не жаловалась. Однако кто в наше время может похвастаться абсолютным здоровьем? Были и у Надежды в организме слабые места. Одним из них являлась шея.

Шея причиняла Надежде множество неприятностей. Обычная простуда начиналась у нее с резкой боли в шее. Потом, конечно, прилагался полный набор: насморк, кашель, боли в горле, но шея проходила позже всех. Стоило в жаркий летний день посидеть на легком сквознячке или проехать в электричке с открытыми окнами – и готово дело, тупая ноющая боль в шее, да еще и голову не повернуть. А бывало и так: вроде бы ложишься спать совершенно здоровой, ночью все спокойно, а проснешься – так скособочит, хоть инвалидность оформляй!

Так что к шее своей Надежда относилась трепетно. А тут какой-то гамадрил на нее давит!

– Пусти, сволочь! – заорала Надежда, пытаясь вырваться, и бестолково замахала руками.

Особого вреда она парню не причинила, только смахнула черные очки. И тут же поняла, отчего тот носит их осенним утром, когда солнце вовсе не такое яркое: под левым глазом у парня уютно расположился огромный темно-лиловый синяк.

– Ух ты! – восхитилась Надежда. – Это кто ж тебя так любит?

Очки упали под ноги Виктору, парень буркнул что-то непечатное и полез вниз. Но Виктор одной ногой раздавил очки в пыль, а другой угостил парня хорошим ударом в челюсть. Тот охнул и отлетел на Надежду. Второй парень ударил Виктора в живот привычным приемом, и Надежда поняла, что в печень на перроне ее бил тоже он.

Виктор согнулся от боли, и, пока парень любовался делом своих рук, озверевшая Надежда отпихнула от себя другого, с синяком, который очумело тряс головой и вообще был пока не боец, и вцепилась зубами второму злодею в руку. Парень взвыл от неожиданности, Надежда же с удовлетворением почувствовала, что прокусила руку до крови.

– Отставить! – рявкнул старший с переднего сиденья, и Надежда краем глаза увидела, что на нее смотрит дуло пистолета. – Всем сесть по местам, а то стреляю!

– Ага, – заметила Надежда, отплевываясь, – среди бела дня, посреди улицы он стрелять будет! Очень смешно!

Кровь у парня текла ручьем.

– У тебя, наверно, свертываемость плохая, – заметила Надежда, – знала я одного человека, – ему зуб вырвали, а ночью кровь пошла. Он когда проснулся – уже поздно, остановить не смогли, так и помер.

Она сама не понимала, для чего их злит. На самом деле она находилась в тихой панике. Их похитили люди явно бандитского вида. И совершенно непонятно, для чего. Во всяком случае, Надежда им точно не нужна, она тут вообще че-

ловец посторонний.

«Вот попала-то я, – мысленно пригорюнилась она, – в чужом пиру похмелье...»

Машина так часто сворачивала, что она совершенно потеряла направление и понятия не имела, куда их везут. Мелькнули по бокам деревья, листья еще зеленые, потом какая-то железная ограда, автобус поехал медленнее. Виктор, похоже, очухался, тот с синяком тоже, чего нельзя было сказать о втором. Он обмотал руку носовым платком, сквозь который просвечивало пятно крови. Парень очень волновался и по минутно проверял руку.

– Пластырем залепи! – посоветовала Надежда.

Парень посмотрел на нее волком и спросил у водителя:

– Вась, у тебя пластырь есть?

Водитель перебросил назад моток изоляционной ленты.

– Чем богаты, тем и рады!

Парень зубами отодрал ленту, причем кусок прилип к губе намертво, и попытался залепить ранку на руке. Было очень неудобно, лента соскальзывала, да еще нечем отрезать.

– Дай помогу! – сжалилась Надежда, характер у нее всегда был отходчивый, так что сейчас, несмотря на то что печень все еще побаливала, она решила с похитителями не ссориться.

– Отвали, ... – бранное слово повисло в салоне микроавтобуса.

– Ах так! – рассердилась Надежда. – Ну и черт с тобой,

чтоб у тебя вообще рука отсохла!

Парень покосился на нее с испугом и зачем-то перемотал руку изолентой крест-накрест, как коробку с посудой, на которой написано «Не кантовать!».

Пользуясь тем, что он был занят, Надежда вертела головой из стороны в сторону, пытаясь определиться на местности. Вроде бы они едут мимо какого-то зеленого массива – парка или леса. Хотя лесу откуда быть, они еще из города не выехали...

Автобус снизил скорость, вот колеса дробно простучали по мостику, затем машина запетляла, ветки хлестнули по переднему стеклу, стало светлее – видно, выехали на открытую площадку перед высоким бетонным забором, и водитель выскочил, чтобы открыть ворота. Въехали внутрь, и мотор заглох.

Старший вышел из машины и открыл снаружи дверь салона:

– Выходите по одному!

«Как в тюрьме!» – подумала Надежда, спрыгивая на землю.

Разумеется, никто и не подумал подать ей руку – Виктора не подпускали близко, а остальным и в голову не пришло.

Она огляделась по сторонам. Двор был большой и когда-то аккуратный, сейчас же завален всякой всячиной – распиленные деревья, полусгнившие бочки, покрышки от автомобиля, в углу притулился покосившийся сарай.

Дом тоже был большой, двухэтажный, с резными наличниками и красивым крыльцом. Сейчас крыльцо покосилось, один резной столбик был заменен простым едва оструганным бревном, ступеньки неровные. Двор зарос кустами непонятного происхождения, из чего следовало, что люди в нем живут нехозяйственные, как с неодобрением отметила Надежда. У хорошего хозяина деревенского дома двор чистый, а если и есть кусты, то декоративные – сирень там либо жасмин, а то и вовсе розы. Здесь же одна помойка, бандитский притон, хозяина нет.

И точно, никто их не встретил, никто не вышел на крыльцо, и собака не залаяла.

– Проходи! – крикнул старший, – Не стой столбом!

– Погодите! – спохватилась Надежда. – Я вещи возьму! – Но ее резко толкнули к крыльцу.

В сенях было темно и пахло гнилью – не то борщ прокис, не то мышь сдохла. Надежда споткнулась о порог и по инерции пролетела в кухню – обычная кухня деревенского дома, только очень захламленная. Плита почти развалилась, над ней висели старые закопченные кастрюли. Стол был покрыт вылинявшей клеенкой. Их с Виктором провели через кухню в комнату, потом пришлось нагнуться, чтобы протиснуться в маленькую дощатую дверцу. Они оказались в небольшой темной комнатке, пустой и пыльной. Из мебели там присутствовали старый полуразвалившийся комод и сломанная табуретка. В комнате было темно, потому что окно забрано

снаружи ставнями. Однако свет все же проникал через маленькое окошко под потолком.

Дверь за ними закрыли, и лязгнул засов.

Виктор утомленно присел на табуретку и закрыл лицо руками, Надежда же бодро обежала комнату, подергала шпингалеты на окне и остановила свой взгляд на комод.

– Помоги-ка! – Надежда, пыхтя, пыталась сдвинуть его с места. Несмотря на небольшие размеры, комод оказался удивительно тяжелым.

– Зачем? – уныло осведомился Виктор, подняв голову.

– Пододвинем под это окошко и выглянем наружу! – пропыхтела Надежда.

– А смысл? – вздохнул Виктор. – Что тебе неймется, береги силы...

– Смысл? – злым шепотом ответила Надежда. – Очень большой смысл, мне нужно номер этого автобуса узнать, который нас сюда вез. У меня там вещи остались! Между прочим, ценные!

Собираясь на юбилей, Надежда перебрала свою одежду и осталась недовольна. Все-таки в ресторан идти, а у нее... Нет, конечно, костюм-то приличный легкий у нее был, да не какой-нибудь летний в жутких малиновых розочках, а дивного серо-голубого цвета с серебристым отливом. Костюм сидел отлично, ей очень шел, и мужу нравилось. Но кто его знает, что там за ресторан, может, надо в вечернем... Бегать по магазинам не было ни времени, ни лишних денег, так что

Надежда поступила просто: попросила что-нибудь приличное у своей школьной подруги Сони Бломберг. Сонька одна из немногих в их классе сделала шикарную карьеру: стала владелицей модельного агентства, сама же вовсе не походила на своих тощеньких девочек. Фигура, однако, была у нее хорошая – положение обязывает, так что Надежда очень возгордилась, когда ей подошло платье подруги.

Сонька всегда была человеком, открытым для друзей. Выслушав сбивчивую просьбу Надежды, она подвела ее к шкафу и велела выбирать, что душе угодно.

Душа Надежды, узрев такое количество дорогих и красивых шмоток, взвыла от восторга. Вечер за примеркой пролетел незаметно. Надежда перебрала шкаф и растерялась – все было для нее немножко слишком. Нет, вкус у Соньки был безупречный, все платья были просто бесподобны, но то, что прекрасно смотрится на преуспевающей владелице известного модельного агентства, не слишком подходит скромной домохозяйке (ух, как Надежда ненавидела это слово, почти так же, как свой возраст, эту круглую дату с пятеркой и ноликом в конце!). В конце концов Надежда остановила свой выбор на простом платье чудного брусничного цвета. По длине платье доходило до середины икры, и это тоже повлияло на ее выбор. Длинное платье, конечно, красиво, но подразумевает наличие спутника, на чью руку всегда можно опереться, кто будет поддерживать даму и ловко лавировать с ней в толпе гостей. Надежда же будет на юбилее одна, так что лишняя

маневренность ей не помешает.

– Что это ты выкопала? – нахмурилась Сонька. – Это же из позапрошлогодней коллекции, я и не думала, что оно в шкафу завалялось! Брось его, сама же говорила, что московская родня богатая, будешь на их фоне как бомжиха смотреться!

– Дай хоть померить! – взмолилась Надежда. – Уж очень цвет хорош!

– И то верно, – Сонька придирчиво оглядела подругу в платье, – сидит неплохо, цвет опять же... Носи на здоровье!

– Ну, женщины! – Виктор сделал пренебрежительный жест. – Тут жизни можно лишиться, а она о тряпках думает!

– И вовсе там не тряпки! – обиделась Надежда. – Платье дорогущее у подруги взяла поносить, костюм любимый, туфли итальянские – тоже не дешевые, а мужу подарки? Рубашка, галстук, кстати, кепочку отдай! И еще, между прочим, мобильник и ключи от квартиры, как я, интересно, домой попаду?

– Ты, Надя, только не паникуй, но сдастся мне, что в планы этих уродов не входит нас домой отпускать, – осторожно подбирая слова, заговорил Виктор. – Сама посуди, не стали бы они так перед нами раскрываться. Лица их мы запомнили, адрес этого дома тоже выяснить нетрудно...

– Ты хочешь сказать, что нас убьют? – удивилась Надежда. – С какого это перепугу? Что мы им сделали? Я уж точно ничего не знаю...

Виктор промолчал, и Надежде стало стыдно: вдруг он подумает, что она хочет от него отмежеваться.

– Слушай, ты совершенно не представляешь, кто они такие и что им от тебя нужно? – тихо спросила она, тронув его за плечо.

– Ну не понимаю я! – Он взъерошил волосы. – Чушь какая-то, бред полнейший!

– А что за бумаги были в портфеле? Ну там, в поезде... Конечно, если секретные... – заторопилась Надежда.

– Секретные, – ответил Виктор, – и очень важные. Но, понимаешь, важны они для узкого круга людей. К примеру, если бы ты их нашла, то тебе от них никакой пользы, даже и не разобрала бы, что это такое и с чем его едят...

– Это почему же не разобрала бы? – обиделась Надежда. – У меня, между прочим, высшее образование, ты не забыл?

– Извини... – он сделал вид, что смутился, – ты же не разбираешься в бизнесе...

– Ну, насколько я понимаю, тот, кто украл портфель с бумагами, прекрасно знал, что там находится, – ехидно заметила Надежда, – и бумаги эти были ему очень нужны, знал он, как их применить, раз даже убил твою спутницу. Вот, кстати, зачем он это сделал?

– Ну... может, она проснулась и видела его... – неуверенно ответил Виктор.

– Ты, значит, не проснулся, а она проснулась? – прищурилась Надежда.

– Выпили мы виски... – он отвел глаза, – то есть она-то почти не пила, а я...

– Ты что, вообще-то, увлекаешься этим? – спросила Надежда протокольным занудным голосом.

– Ну, нет, конечно... но сплю всегда плохо в поезде, думал расслабиться...

– Вот и расслабился, – констатировала Надежда, которая сама плохо спала в поезде, но вылакать перед сном едва ли не целую бутылку виски ей не приходило в голову.

– С другой стороны, может, и к лучшему, – жив остался... – Она решила Виктора подбодрить.

– Не факт, – серьезно возразил он, – эти вот еще на нашу голову. Ну в толк не возьму, кто они такие! Судя по виду, бумаги им мои напрочь не нужны, не те люди! Да и не спрашивали они ничего про них. А мне, понимаешь, срочно нужно передать одному человеку, что эти бумаги пропали. Я потому и от полиции схоронился, потому что они спапали бы и позвонить не дали. Да такую информацию по телефону никак нельзя передавать.

– Все-таки... нельзя ли в общих чертах разъяснить про бумаги? – деликатно попросила Надежда, которая не любила ничего недосказанного.

– Ну, слово «акция» тебе, надеюсь, знакомо?

– Уж как-нибудь, – мгновенно обиделась Надежда, – что ты меня за полную дуру-то держишь... И слово «биржа» тоже знаю, и «котировка», и «брокер».

– Умница, – похвалил Виктор, как будто она была собачкой, которая по команде встала на задние лапы и тявкнула три раза, – значит, представь себе, что один крупный концерн...

– «Норильский никель»? – тотчас встряла Надежда.

– Упаси тебя боже называть имена! – Виктор замахал руками. – Значит, концерн... ну, к примеру, «Тамбовская сметана» собирается объединиться... с «Казанскими сливками»!

– У них же кумыс, – удивилась Надежда, – какие уж там сливки...

– Это монголы кумыс пьют, – терпеливо ответил Виктор, – а татары – молоко. И вообще, не сбивай меня!

– Молчу! – пискнула Надежда.

– Информация секретная, поскольку после объединения акции обоих концернов возрастут в цене, то есть тот, кто будет знать об этом заранее, может сделать большие деньги – сначала купить, а потом – продать. А если еще учитывать тот факт, что на объединение претендуют не только «Казанские сливки», но и...

– «Урюпинский творог»? – радостно крикнула Надежда.

– Точно! – согласился Виктор и поглядел на Надежду с уважением. – Дело получается выгодное, но рискованное. Поэтому я и должен предупредить о пропаже портфеля, должен предупредить, что информация может попасть в чужие руки. Тот человек, который мне доверился, денег не зарабо-

тает, но хоть свои не потеряет.

Виктор тяжело вздохнул, и Надежда поняла, что, даже если он успеет предупредить нужных людей, все равно у него будут серьезные неприятности.

Она хотела еще подробнее расспросить о девушке – кто такая да кем она приходилась Виктору, но в это время из соседней комнаты послышались голоса. Надежда бесшумно подскочила к двери и приникла к плохо пригнанным доскам. Дверь с той стороны запиралась на здоровенный железный крюк, но доски разохлись, между ними образовались щели. В комнате говорили на повышенных тонах.

– Что за кадры мне достались? – бушевал старший. – Охламоны какие-то, честное слово! Ну что я Профессору скажу, когда он приедет? Где люди? – он спросит. А я – ох, извините-простите, заболели мои люди! Одному в морду вчера дали, так у него в ушах звон, и глаз заплыл.

– В ушах звенит после того, как этот козел ботинком в челюсть врезал, – обидчиво заметил парень с синяком.

Надежда теперь не только слышала, но и видела всех действующих лиц, поскольку нашла в доске дырку от выпавшего сучка и приникла к ней глазом.

– Второй, видите ли, больничный собирается брать, потому что его баба в руку укусила! – орал старший.

– Так рука-то болит! – проныл второй. – Вон, гляди, распухла вся и посинела!

Надежда взгляделась, и действительно оказалось, что ру-

ка отекала и сравнялась по цвету с изолентой – идиот слишком сильно ее перетянул. Надежда хотела стукнуть в дверь и посоветовать парню просто снять изоленту, но вспомнила, что он обозвал ее в машине неприличным словом, и решила промолчать, тем более что печень все еще побаливала.

– Отпусти его, отвезу в травмпункт, – сказал вошедший водитель, – а то и правда рука отсохнет.

Надежда по голосу почуяла, что он прикалывается, однако парень понял все буквально и взвыл:

– А вдруг она туда яда напустила?

– Ага, змеиноного, – саркастически заметил старший.

– Скорпионы тоже ядовитые, – на полном серьезе добавил водитель, – или тарантулы.

– Черт с вами! – выругался старший. – Езжайте, только быстро, пока Профессор не приехал.

– Не горюй, Колян! – водитель хлопнул пострадавшего по плечу. – Главное, надейся, что не бешеная она. А то пришлось бы тебе шестьдесят уколов делать, а потом девять месяцев спиртного капли в рот не брать!

– Да ну? – поразился первый парень, с синяком. – Не врешь, Васята?

– Вот те крест! – побожился водитель. – Даже пива нельзя!

Надежда сообразила, что сейчас автобус уедет, а потом можно сумки недосчитаться. Водитель – тот еще прохиндей, глазки так и бегают, скажет, что потерял. А что? Вещи все ценные, платье немереных денег стоит, хоть и из позапро-

шлогодней коллекции, подарки мужу вообще запакованные, а еще особый сувенир коту Бейсику – две запаянные в полиэтилен игрушечные мыши, одна белая, а вторая серая. Племянник Димка, который помогал выбирать подарки, утверждал, что мыши пропитаны каким-то составом, особенно притягательным для котов.

Этого подарка тоже жалко, к тому же кот обидится на нее навеки.

Надежда попыталась сдвинуть комод с места. Виктор глядел на нее нелюбезно, но потом усовестился и подключился к трудовому процессу. Вдвоем они легко сдвинули предмет мебели к окну. Надежда с помощью приятеля взгромоздилась на самый верх и успела заметить, как выезжает со двора синий микроавтобус с надписью на боку «Доставка цветов» за номером У 7840, ГУ».

– Постой-ка! – Надежда уселась на комоде, расстегнула две пуговицы на кофточке и вытащила на свет божий кошелек на веревочке, именуемый в народе «ксивник». Там у нее лежали паспорт, использованный билет из Москвы в Петербург и немного денег.

– У тебя не отобрали? – удивился Виктор.

– Не доперли, – усмехнулась Надежда, – эх, если бы я еще сюда и ключи от квартиры положила!

Она записала номер машины карандашом для бровей, который случайно завалялся в кармане.

– Опаньки! – воскликнул Виктор, уставившись себе под

ноги.

На том месте, где только что стоял комод, в полу оказался квадратный люк.

– Вот видишь, – оживилась Надежда. – А ты не хотел мне помогать! Главное, не опускать руки...

– Ага, только не надо рассказывать мне притчу про двух лягушек в кувшине со сметаной! И вообще, неизвестно, куда ведет этот люк и ведет ли он куда-нибудь...

– А вот это мы сейчас и выясним! – И Надежда ухватила за кольцо.

– Ну, Надя, ты только не надрывайся! – Виктор оттеснил ее и сам потянул кольцо вверх.

Люк не открывали, должно быть, много лет, он разбух и не поддавался. Виктор побагровел от напряжения, на лбу у него выступили капли пота.

– Какой ты сильный! – проговорила Надежда. – Ты его непременно откроешь!

Виктор крикнул, охнул, поднатужился... и едва устоял на ногах, когда люк со скрипом распахнулся.

Из открывшегося проема потянуло холодом и сыростью.

– Ну, вот видишь... я в тебе нисколько не сомневалась! – Надежда покосилась на дверь. – Теперь быстро удираем, пока эти не спохватились... и знаешь что, давай-ка забаррикадуем дверь, это даст нам дополнительное время!

Вдвоем они передвинули комод к входной двери, и Надежда устремилась к открытому люку.

– Пусты меня вперед! – Виктор отодвинул ее в сторону. – Мало ли что там...

Он спустился по скрипучей лестнице, и снизу донесся приглушенный голос:

– Ну, погреб как погреб... что мы тут будем делать...

Надежда торопливо спустилась следом за ним.

Это действительно был погреб – темный, сырой и холодный. По углам прятались густые тени.

– Ну вот, я поддался на твои уговоры, и что мы выиграли?.. – ворчал Виктор. – Тебе здесь больше нравится? Там хоть было тепло и сухо...

– Ага, и в тепле мы должны были покорно ждать, когда с нами расправятся? Чем ворчать и ныть, лучше осмотришься – нет ли здесь другого выхода...

Виктор, продолжая ворчать, достал зажигалку, высек из нее язычок теплого живого огня. Тени расступились, но выхода из подвала не было видно, только в самом дальнем углу стоял прислоненный к стене мешок, из-под которого доносился подозрительный писк. Надежда попятилась: мышей она не слишком опасалась благодаря коту Бейсику, который на даче приучал ее к виду дохлых мышей, мелких птичек и ящериц, но с крысами совершенно другое дело, крыс Надежда Николаевна, как всякая женщина, боялась панически.

Виктор в несколько шагов обошел подвал, светя перед собой огоньком зажигалки.

– Нет ничего, ты же видишь...

– Постой-ка, – остановила его Надежда. – Посвети снова там, в углу...

Виктор послушно поднес огонек к мешку. Писк под ним усилился.

– Тебя что – интересует здешняя живность? Знаешь, ты уникальная женщина...

– Да нет, – Надежда шагнула к нему, боязливо поглядывая на мешок. – Ты посмотри на пламя...

Действительно, огонек зажигалки тянулся в сторону мешка, как будто хотел получше его разглядеть.

– Пожалуйста, отодвинь мешок! Оттуда тянет сквозняком!

Виктор недоуменно пожал плечами, брезгливо ухватился за грязный мешок, оттащил его в сторону. Из-под мешка во все стороны прыснули крошечные розовые крысята. Надежда охнула и схватилась за сердце. В первый момент она хотела оглушительно завизжать, но невыносимым напряжением воли сумела удержать себя: на визг непременно явились бы тюремщики.

Однако нет худа без добра: когда Виктор оттащил мешок, в стене за ним обнаружился темный лаз.

– Что и требовалось доказать! – проговорил Виктор и с уважением взглянул на Надежду.

До этого момента Надежда проявляла чудеса решительности и смекалки, но теперь, когда они нашли выход из, казалось бы, безвыходного положения – она испуганно отшат-

нулась от этого выхода.

– Ну что – полезли? – проговорил Виктор, оглянувшись на нее.

– Туда?! – Надежда побледнела. – Да я в такую узкую нору ни за что не пролезу!

– Ну, ты зря! Ты и не толстая совсем! – поспешил уверить ее Бегунов. – По-моему, ты легко пройдешь... Ты сколько вешишь?

– Да ты что! – возмутилась Надежда. – Как ты смеешь да-
ме такие неприличные вопросы задавать? Да эта информация засекречена почище, чем твои акции! Да я под пыткой не признаюсь! А самое главное... – Надежда испуганно понизила голос. – Самое главное... вдруг там... вдруг там крысы?!

– Не знаю, как там, а здесь крысы точно есть, так что в твоих же интересах скорее сбежать отсюда! – Виктор поднял зажигалку над головой, и Надежда увидела наглую здоровенную крысу, которая сидела прямо посреди погребка и недовольно поводила кончиком носа. Видимо, она хотела выяснить, кто разорил ее гнездо и лишил крова ее многочисленное потомство.

– Ой, мама! – вскрикнула Надежда и попятилась, отступив к темному лазу.

В это же время сверху до них донеслись тяжелые удары – это тюремщики попытались войти в комнату и наткнулись на придвинутый к двери комод.

– Скорее, Надя, нужно уходить! – заволновался Виктор.

– Ну, давай, только ты первый...

Виктор кивнул, опустил на четвереньки и юркнул в лаз.

– Ну, что там? – осведомилась Надежда.

– Ничего страшного... – пропыхтел из темноты Виктор. –

Давай, догоняй меня...

Сверху послышался громкий скрип отъезжающего комода.

Надежда опасливо приблизилась к отверстию в стене, оглянулась...

Крыса посмотрела на нее злобными красными глазками и немного приблизилась. Надежда вскрикнула, нырнула в темноту и поползла вперед, опираясь на колени и локти.

– Зарядку надо делать, – вздыхала она, медленно подвигаясь вперед и тяжело отдуваясь. – Каждый день, а не раз в год... И на диету давно собираюсь сесть... Алка Тимофеева рассказывала про отличную диету, называется «диета римского папы»... правда, я не заметила, чтобы ей самой эта диета помогла... Хорошо хоть в дыру пролезла, а то перед Витькой со стыда сгоришь...

Спереди доносилось равномерное шуршание ползущего Виктора.

Надежда проползла еще немного, остановилась, чтобы перевести дыхание, и окликнула Бегунова:

– Ну что, долго еще?

– Не знаю, – отозвался тот. – Но вроде дышать стало по-

легче... давай, поднажми...

– По-моему, мы уже целый час ползем, – жаловалась Надежда. – Этот туннель, он что – до самой Москвы прорыт? Так лично мне в Москву больше не надо...

На этот раз Виктор ничего не ответил, и шуршание впереди стихло. Надежда проползла еще немного... и увидела впереди свет.

Она рванулась вперед, и тут же сильные руки подхватили ее – Виктор помог встать на ноги.

Они стояли возле высокого глухого забора. Перед ними простирался осенний парк, а прямо на них беззвучно мчались огромный ротвейлер с горящими глазами и разинутой пастью.

– Конец! – охнула Надежда и попятилась, вжавшись спиной в забор.

– Не бойтесь! – крикнула высокая девушка в длинном песочном плаще. – Он не тронет! Он хорошо обучен! Рамзес, Рамзес!

Пес подбежал к Надежде, с размаху ткнулся носом в ее руку и облизал большим розовым языком.

– Рамзес, как ты себя ведешь! – укоризненно проговорила хозяйка. – Шлепните его по морде, он отстанет!

– Да нет, что вы, он очень славный! – возразила Надежда и опасливо погладила Рамзеса по загривку.

В это время бурьян возле забора зашевелился, и из той самой норы, откуда только что выбрались Надежда и Виктор,

выкатился парень в перепачканной землей куртке и с огромным синяком под глазом – один из приставленных к ним тюремщиков.

Вскочив на ноги, парень вскинул руку с пистолетом и навел ствол на Надежду:

– Стоять, сука! А ну, руки за голову!

– Фу, как невежливо! – фыркнула Надежда.

В то же самое мгновение Рамзес резко подпрыгнул и схватил злодея за руку. На собачьих курсах его учили приветливо обращаться с безоружными людьми, но нападать на вооруженных. Парень вскрикнул и выронил оружие. Рамзес выпустил руку и, мощным толчком свалив злоумышленника с ног, поставил лапы ему на грудь.

Инструктор собачьей школы был бы очень им доволен: Рамзес произвел образцовое задержание.

Увидев вблизи огромную морду с горящими глазами и открытой пастью, из которой торчали внушительные клыки, парень понял, что всего случившегося слишком много для сегодняшнего дня. Глаза его закатились, и он потерял сознание. Рамзес удивленно потрогал злоумышленника лапой – он же ничего не сделал плохого...

Не дожидаясь, когда подоспеют хозяйка Рамзеса и напарник обезвреженного похитителя, Надежда припустила к виднеющемуся неподалеку выходу из парка. На этот раз Виктору не пришлось ее торопить – наоборот, он еле поспевал за ней.

Выбежав за ограду парка и увидев перед собой улицу с

проезжающими по ней машинами, Надежда замахала рукой.

Буквально через секунду возле нее остановилась скромная «девятка» популярного цвета «коррида».

– Скорее! – выкрикнула Надежда, плюхнувшись на заднее сиденье. Виктор втиснулся рядом с ней.

– На поезд, что ли, опаздываете? – осведомился водитель, седенький старичок в круглых металлических очках.

– На поезд... да, на поезд... – подтвердила Надежда, опасно оглядываясь через плечо.

Погони пока не было видно, но это ничего не значило.

– Ну, ничего, поспеем! – старичок выжал сцепление, и «девятка» сорвалась с места, как гоночный болид.

Надежда испуганно вскрикнула и закрыла глаза – она никак не ожидала от пожилого водителя и его развалюхи такой прыти. Скоростью ее вдавило в спинку сиденья, как космонавта на начальной стадии полета.

– Не бойсь, поспеем! – повторил водитель, ловко обгоняя черную «БМВ» с тонированными стеклами. – Я ведь по молодости в ралли участвовал, призы брал! Сейчас, конечно, годы не те, но есть еще порох в пороховницах! И ласточка моя хорошо летает, мотор особый, форсированный...

Сзади послышался резкий сигнал очередного обойденного «Мерседеса».

– И нечего сигналить! – огрызнулся старичок в зеркало заднего вида. – Не умеешь ездить, сиди дома!

Он резко вывернул руль и вылетел на площадку перед же-

лезнодорожной платформой.

– Платформа Озерки! – сообщил он, выключая зажигание. – Успели! С вас сто пятьдесят, за скорость!

Надежда вытащила из-под кофточки свой «ксивник», отсчитала водителю деньги и бросилась к платформе. К ней как раз подъезжала пригородная электричка.

– Ты куда? – пропыхтел, догоняя ее, Виктор.

– Раз уж приехали на платформу, сядем в поезд – так мы точно оторвемся от погони!

Виктор не стал спорить, и они вошли в вагон.

Поезд был полон – грибники с огромными корзинами, скромно прикрытыми ветками папоротника, утомленные садоводы с кирпичным деревенским загаром. В дальнем конце вагона виртуоз-балалаечник исполнял «Полет шмеля» из оперы Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане». Его перекрывал зычный бас бравого коробейника:

– Носки всех размеров! Отличное качество, низкая цена! Все желающие могут примерить... компакт-диски с базой данных всех городских криминальных группировок... электронное устройство для отпугивания крыс и соседей...

– Ну, и куда ты сейчас? – осведомилась Надежда, отдышавшись.

– Даже не знаю, – Виктор задумался. – Ключей от дома у меня нет, денег тоже... эти все отобрали... наверное, поеду в свой офис, там у меня есть запасные ключи...

– В офис тебе нельзя, – авторитетно возразила Надежда. –

Там тебя уже караулит полиция.

– Ты думаешь? – лицо Виктора вытянулось.

– Не думаю, а уверена! Ты не забыл, что твою... попутчицу зарезали и все улики указывают на тебя?

– Что же делать?! – воскликнул Виктор.

– Ладно, так и быть! – Надежда Николаевна изобразила неожиданный приступ великодушия. – Напишешь записку и подождешь меня где-нибудь поблизости, я сама схожу в твой офис и принесу все, что нужно!

В действительности великодушные тут было ни при чем. Надежда не очень-то верила, что в офисе Бегунова установлена полицейская засада. Она запугивала Виктора не из любви к искусству, у нее был в этом деле свой собственный интерес: получить доступ к хорошему компьютеру и выяснить, кому принадлежит микроавтобус «Доставка цветов». Любой ценой она намеревалась вернуть свои вещи – любимые итальянские туфли, Сонькино брусничное платье, мобильник, ключи от дома и, самое главное, подарки для мужа и кота Бейсика...

Балалаечник закончил «Полет шмеля» и перешел к следующему номеру своей программы – популярной мелодии Эннио Морриконе из фильма «Профессионал». Поезд начал тормозить, и часть пассажиров двинулась к выходу.

– Удельная, – пояснила Надежда. – Здесь многие выходят, станция метро... в такой толпе мы легко затеряемся!

Через полчаса они сидели в небольшом кафе на Итальянской улице, неподалеку от офиса Виктора Бегунова. В крошечном магазинчике рядом Надежда купила расческу и губную помаду, потом провела некоторое время в туалете, почистила куртку и брюки, причесалась и аккуратно накрасила губы. Вид в зеркале стал не то чтобы приличный – о таком она и не мечтала после бессонной ночи в поезде и похищения, но теперь появилась надежда, что охрана не выбросит ее с порога и все же пропустит в офис Виктора.

Крепкий кофе всегда действовал на Надежду возбуждающе, сытная еда – наоборот, так что она ограничилась одной булочкой с маком. Виктор же заявил, что хочет есть. Пока он ходил к стойке за горячим бутербродом, Надежда думала грустные думы.

Надежда Николаевна Лебедева была женщиной приличной, свято чтит семейный долг, любила своего мужа, заботилась о нем и старалась всячески облегчить ему жизнь. Надо сказать, что муж ее по характеру был человек непротивный, а наоборот, имел умную голову и золотые руки, а также в быту был некапризный, требовал только, чтобы Надежда присматривала за котом Бейсиком, которого он обожал без памяти.

Надежда, как человек здравомыслящий, признавала за собой некоторые недостатки и знала их наперечет, муж же ненавидел в ее характере только одно качество – ужасно сильное любопытство, которое толкало его жену на необду-

манные и опасные поступки. Надежда вечно вляпывалась в какие-то криминальные истории, стремясь помочь людям, которые, как ехидно замечал муж, не очень-то ее об этом и просили. Бывали в жизни Надежды случаи, когда приходилось расследовать совершенно постороннее дело, но таких было меньше. В основном все неприятности происходили с многочисленными знакомыми Надежды. И вроде бы все – приличные люди, а вот поди ж ты... все не слава богу!

Раньше по глупости Надежда многое рассказывала мужу, но получала за это только порицание и полноценный скандал. Ибо муж ее был, конечно, человек спокойный и неконфликтный, но очень любил жену и переживал за ее жизнь и здоровье. Надежда обещала мужу, что больше никогда не вяжется ни в какую сомнительную историю, но по прошествии некоторого времени коварная судьба подбрасывала ей очередную криминальную загадку, знаменитое любопытство просыпалось, и не было сил с ним бороться.

Тогда Надежда приняла судьбоносное решение: никогда, ни при каких обстоятельствах не рассказывать ничего мужу. И неуклонно следовала этому правилу.

Но на этот раз любопытство молчало. Надежде не хотелось узнать, кто убил девуцу в поезде и зачем. Также не хотелось ей узнать, что за люди похитили их с Виктором. Ну, неинтересно ей было! Ей хотелось только одного: отыскать свою сумку с вещами и ключами, приехать домой, смыть с себя всю грязь и усталость и ждать мужа с работы.

От таких грустных мыслей захотелось есть, и Надежда, поругивая себя за чревоугодие, заказала кусок миндального торта.

Виктор съел свой бутерброд и допил кофе.

– Секретаршу зовут Саша, – инструктировал он Надежду. – Я написал ей, чтобы она запустила тебя в мой кабинет и не задавала никаких вопросов...

– Хорошо, я сориентируюсь по обстоятельствам. – Надежда сложила записку и спрятала в свой «ксивник». – А ты пока посиди в этом кафе... тебе-то все можно...

Она с сожалением взглянула на опустевшую тарелочку, где только что лежал большой кусок миндального торта. Теперь от торта остались только воспоминания, и они были восхитительны. Надежде очень хотелось взять второй кусок, но она взяла себя в руки. Даже один кусок она позволила себе только для того, чтобы преодолеть последствия стресса и набраться сил для новых испытаний.

Оставив Бегунова за столиком кафе, она перешла дорогу и подошла к помпезному подъезду офисного центра.

Пятачок около подъезда был плотно заставлен машинами.

При виде этих машин Надежда почувствовала знакомое покалывание в кончиках волос. Она бегло оглядела припаркованные автомобили. Ничего особенного, машины как машины, не столько роскошь, сколько средства передвижения среднего класса, от недорогих корейских марок до приличных изделий немецкого автопрома...

Но хорошо развитая интуиция никак не умолкала.

Повинуясь ей, Надежда Николаевна завернула за угол здания. Там стоянка была запрещена, и поэтому сразу бросалась в глаза скромная «девятка», оставленная на самом видном месте.

Если владелец такой недорогой машины паркует ее на запрещенном месте, для этого могут быть как минимум две причины: либо он уж совсем безбашенный, либо... либо он может позволить себе такое наглое поведение по характеру своей работы.

Оглядевшись по сторонам, Надежда подошла к «девятке» и наклонилась над лобовым стеклом.

К этому стеклу был прилеплен изнутри пропуск с характерной печатью МВД.

– Интересно! – протянула Надежда и в задумчивости пошла вдоль улицы.

Неподалеку от подозрительной машины трое мальчишек лет двенадцати отработывали прыжок на скейтборде.

– Ребята, есть дело! – обратилась к ним Надежда Николаевна.

Сначала мальчишки с недоверием посмотрели на странную тетку, но когда она изложила им свою просьбу, они оживились, а когда пообещала каждому по пятьдесят рублей – ударили по рукам.

Закончив переговоры, Надежда вошла в подъезд офисного центра и поднялась на третий этаж.

На двери красовалась табличка «Финэкон» – так называлась фирма Виктора. Толкнув эту дверь, Надежда оказалась в просторном холле, отделанном в современном минималистском стиле.

Черные блестящие плитки на полу, светло-голубые стены, синие капельки светильников, круглый аквариум, несколько горшков с комнатными растениями.

За столиком из стекла и металла сидела вполне подходящая к офису секретарша – строгое бледное личико, голубой кашемировый свитер, скромная, но стильная прическа.

Единственным, что совершенно выбивалось из общего стиля, был сидевший рядом с секретаршей парень. Его поношенные джинсы, кожаная куртка, явно купленная на вещевом рынке, торчащие локаторами розовые уши и растрепанные волосы – все это совершенно не вязалось со стильной обстановкой офиса, и внутренний голос Надежды говорил о том, что этот парень работает в полиции.

Надежда вздохнула – ее слова о полицейской засаде в офисе подтвердились.

– Чем я могу вам помочь? – осведомилась секретарша, подняв на Надежду сдержанно-приветливый взгляд. Надежда остро почувствовала, что выглядит сейчас просто ужасно – после бессонной ночи в поезде, после похищения, после побега через подземный ход... Секретарша Бегунова не продемонстрировала своих чувств, но в ее взгляде сквозило скрытое неодобрение. В это время телефон на ее столе

зазвонил, и девушка, жестом извинившись перед Надеждой, сняла трубку.

– Нет, Виктор Сергеевич еще не вернулся... нет... да, обязательно...

Лопухий парень делал ей страшные глаза, бурно жестикулировал, пытаясь привлечь ее внимание. Наконец секретарша заметила его сигналы и, слегка кивнув, продолжила:

– А что ему передать, когда он вернется? Кто его спрашивал? Мамалыгин, «Бизнес-консалтинг»? Алексей Васильевич, может быть, я могу что-то для вас сделать? Я его помощник, Александра...

Она еще немного послушала, затем повесила трубку и сообщила лопухому:

– Это деловой партнер Виктора Сергеевича, владелец фирмы «Бизнес-консалтинг» Мамалыгин...

Полицейский сделал в своем блокноте какую-то пометку. Александра повернулась к Надежде и проговорила:

– Извините... так чем я могу вам помочь?

Надежда начала длинно и невразумительно объяснять причину своего прихода, то и дело поглядывая на часы. С каждым ее словом лицо секретарши становилось все менее приветливым.

В тот момент, когда Александра уже хотела прервать странную посетительницу, за окном офиса раздалось жалобное завывание автомобильной сирены.

Лопухий полицейский подскочил, как будто его подбро-

сило пружиной, и метнулся к окну. Выглянув, он побагровел и крикнул:

– Ну, шкеты, я вам сейчас уши пообрываю!

С этими словами он понесся прочь из офиса.

В ту же секунду, как за ним захлопнулась дверь, Надежда Николаевна положила перед Александрой собственноручно написанную Бегуновым записку.

– Что это? – растерянно спросила девушка.

– А вы прочитайте. Почерк, надеюсь, узнаете?

– Да... это почерк Виктора Сергеевича... – проговорила Саша и прочла:

«Саша, у меня неприятности, поэтому я не могу сам прийти в офис. Женщина, которая принесет эту записку, – мой друг, я ей доверяю. Впустите ее в мой кабинет. И не верьте тому, что вам скажут обо мне, – я ни в чем не виноват. В. Бегунов».

– Я знала, что это неправда! – воскликнула секретарша. – Хорошо, я пущу вас в его кабинет, раз Виктор Сергеевич просит... только... ведь этот полицейский не велел никого пускать!

– Давно он тут сидит? – поинтересовалась Надежда.

– Да с самого начала работы, с десяти... Ордера какого-то ждет на обыск кабинета... сказали, подвезут вскорости...

– Ну-ну, – вздохнула Надежда. – Он вам и сообщил про случившееся?

– Ну да, так и бухнул с порога: ваш, говорит, начальник

подозревается в убийстве некоей Алисы Радунской. Только я не поверила...

– А эту девушку, Алису... вы ее знали? – осторожно спросила Надежда.

– Никогда о ней не слышала! – Саша дернула худеньким плечиком, губы ее оскорбленно дрогнули, и Надежда сообщила, что секретарша равнодушна к своему начальнику. А что – мужчина интересный, опять же не бедный...

– Идите скорее, а то милиция вернется! – сухо напомнила Саша.

– Не так скоро, как вы думаете! – усмехнулась Надежда. – Я верю в молодое поколение...

– Какое поколение? – переспросила секретарша.

– Да нет, это я так... давайте не будем терять время!

Саша встала и отперла кабинет своего начальника.

Захлопнув за собой дверь, Надежда огляделась.

Судя по интерьеру кабинета, фирма Бегунова процветала. Или, по крайней мере, стремилась создать такое впечатление у посетителей.

Дорогой антикварный стол из черного дерева с бронзовыми инкрустациями хорошо вписывался в стильную современную обстановку. Стекланные шкафы и стеллажи, низкие столики из нержавеющей стали и прозрачного пластика, на стенах, покрашенных в холодный серебристо-голубой цвет, – репродукции картин Энди Уорхолла и старинные черно-белые фотографии.

Огромные, от пола до потолка окна были до половины завешены серебристыми шелковыми шторами. Одна секция окна была приоткрыта, в нее врывались уличный шум и осенний воздух с примесью бензиновой гари.

Надежда скользнула к окну, осторожно выглянула из-за шторы.

Окно выходило в тот самый переулок, где стояла полицейская «девятка». И вокруг этой машины лопоухий служивый гонялся за шустрыми мальчишками.

Убедившись в том, что ее план сработал, Надежда села за письменный стол, на рабочее место Виктора. Перед ней стоял отличный мощный компьютер, ради которого она и стремилась попасть в этот кабинет. Но прежде чем заняться своими поисками, нужно было сделать то, о чем просил ее Бегунов.

Она достала маленький старинный ключ, который дал ей Виктор, открыла верхний ящик стола.

В нем были в беспорядке навалены какие-то блокноты, компакт-диски, конверты с деловыми бумагами и банковскими платежками. Выполняя инструкцию Виктора, Надежда запустила руку под весь этот навал и нащупала в самой глубине ящика связку ключей. Там же нашелся конверт с небольшой суммой денег, которую Виктор держал под рукой, в ящике стола, на всякий случай.

Убрав эти находки в свой «ксивник», Надежда включила компьютер.

Пока он загружался, она еще раз просмотрела содержимое ящика, но ничего интересного там не нашла. Тем более она не знала, что нужно искать, и ее занятие напоминало народную сказку «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

Экран компьютера засветился.

Надежда зашла в поисковую программу.

Базы данных ГИБДД у нее не было, поэтому найти информацию по номеру автобуса Надежда не могла. Вместо этого она сделала запрос о фирмах по доставке цветов.

Компьютер выдал ей длинный список.

Надежда тяжело вздохнула и приступила к просмотру.

Фирмы были расположены по алфавиту, и в самом начале списка находились крупные компании «Агрокомплект» и «Агроприма», доставляющие садоводам семена и саженцы цветов и плодовых растений. Дальше шли компании «Бордюр», «Букет», «Весна», «Василек», «Гортензия»...

Надежда просматривала их сайты, постепенно теряя оптимизм. Все эти фирмы доставляли своим клиентам срезанные и живые цветы. Найти в этом море информации ту единственную фирму, которая ей нужна, было не проще, чем отыскать в целом кусте сирени единственный цветок с пятью лепестками.

Известная фирма «Интерфлора» предлагала доставить букет цветов в любую точку земного шара. Затем шли небольшие компании «Крокус», «Лютик», «Мальва», «На-

стурция»...

Надежда взглянула на часы. Пожалуй, надо прекращать поиски, а то скоро вернется на свой пост лопоухий полицейский, и тогда будет очень сложно выйти из кабинета...

Она открыла сайт фирмы «Орхидея».

На главной странице были размещены несколько фотографий – роскошные букеты, улыбающиеся лица... вот сотрудники фирмы несут огромный букет к крыльцу загородного дома...

Надежда не поверила своим глазам.

На заднем плане, с самого края снимка, стоял синий микроавтобус с яркой надписью «Доставка цветов». Точно такой же, как тот, на котором увезли их с Виктором этим утром.

Надежда увеличила фотографию, вгляделась в табличку с номером.

Разрешение фотографии было хорошее, и она смогла различить первую букву – «У», дальше изображение слегка расплывалось, и она смогла с трудом различить две последние цифры номера – 4 и 0 и букву «Г».

Все это вполне совпадало с номером искомого микроавтобуса.

Надежда просто не могла поверить в свою удачу.

Она записала адрес офиса фирмы «Орхидея», ее телефоны и выключила компьютер.

На экране замелькали служебные сообщения о завершении работы.

Надежда бросила рассеянный взгляд по сторонам...

И вдруг в стеклянной поверхности одного из столов заметила какое-то движение.

В столешнице отражалось окно, и в нижней части этого окна появилась медленно поднимающаяся человеческая фигура.

Надежда вскочила, едва не уронив рабочее кресло, метнулась в сторону. В кабинете, как назло, совершенно не было укромных уголков.

А за окном действительно медленно всплывал какой-то человек.

В первый момент Надежде показалось, что она сходит с ума – человек, парящий за окном на уровне третьего этажа, должен быть либо ангелом, либо эльфом, либо в крайнем случае Карлсоном, который живет на крыше.

Но потом она поняла, что ларчик открывается просто, и ничего сверхъестественного не происходит – незнакомец поднимается в монтажной люльке.

Кроме того, Надежда сообразила, что пока он не видит ее, с улицы кабинет кажется темным.

Она отступила в самый дальний угол и скрючилась, спрятавшись за глубокое гостевое кресло. Ей было ужасно неудобно, и второй раз за сегодняшний день Надежда подумала, что нужно незамедлительно начать заниматься гимнастикой. Или на занятия йогой записаться...

Тем временем незнакомец за окном встал во весь рост,

протянул руку к приоткрытой секции окна, открыл ее шире и протиснулся в кабинет.

Надежда сжалась в комок и затаила дыхание.

Она не хотела думать, что будет, если этот человек обнаружит ее в кабинете.

Но он, кажется, не ожидал кого-то здесь застать. Прямым ходом он направился к письменному столу, поколдовал несколько секунд над замком и выдвинул верхний ящик. Надежда из своего укрытия следила за ним, пытаясь разглядеть, что он вытащит из ящика, и радуясь, что успела выключить компьютер...

Но незваный гость ничего оттуда не вытащил. Напротив, он положил в ящик какой-то конверт и вернулся к окну.

Надежда смотрела на его чуть сгорбленную спину и думала, что где-то совсем недавно видела такую же сутулую фигуру, такие же осторожные крадущиеся движения... она тоже видела его со спины, только тогда у этого человека что-то было в руке...

За прошедшие неполные сутки с ней столько всего произошло, она видела так много незнакомых и опасных людей, что все они перемешались в ее памяти. И только когда сутулый визитер протиснулся в полуоткрытое окно, она вспомнила: ночь, поезд, остановившийся на путях, и таинственный незнакомец, скатывающийся по насыпи и убегаящий в темноту, к поджидающей его машине с потушенными фарами...

Это он, Надежда не сомневалась, это именно тот человек,

который убегал ночью из поезда! Значит, это человек, который убил попутчицу Виктора и украл его портфель... если, конечно, Виктор сказал ей правду.

Загадочный человек медленно опустился и исчез.

Надежда с трудом распрямилась, выбралась из своего укрытия и, опасливо покосившись на окно, вернулась к письменному столу.

Ящик был закрыт, и вообще, ничто не указывало на то, что в кабинете только что кто-то побывал. Может быть, ей все это померещилось? Может быть, от перенесенных волнений она сошла с ума?

Она снова отперла верхний ящик стола, перерыла его содержимое.

Вот этот конверт... кажется, раньше его здесь не было. Точно, не было! Она непременно обратила бы внимание на фирменный конверт с надписью: «Частное детективное агентство «Вещдок».

Плотный большой конверт из голубоватой бумаги...

Конверт не был заклеен. Надежда осторожно открыла его и вытряхнула на стол несколько фотографий.

На всех фотографиях были два человека – мужчина средних лет и молодая женщина. Вот они сидят рядом за столиком ресторана... мужчина доверительно наклонился к девушке, шепчет ей что-то на ухо, а она слушает очень внимательно... вот они прощаются на улице, он ласково держит ее за руку... а вот фотография, сделанная через окно, –

очевидно, холл дорогого отеля, девушка сидит в глубоком кресле, мужчина рядом, он наклонился к ней близко, едва не прикасаясь губами к волосам...

Эта девушка, эта молодая женщина на всех фотографиях – Надежда знала ее, видела это лицо. Видела его в коридоре ночного поезда, а потом – в купе, с широко открытыми мертвыми глазами... не скоро она сможет забыть его!

Это была спутница Виктора Бегунова, убитая минувшей ночью.

В голове у Надежды что-то зажужжало, словно заработал миниатюрный встроенный компьютер.

Раньше этого конверта не было в столе, значит, его подбросил таинственный незнакомец. Не просто незнакомец – опасный преступник, убийца. Ради того, чтобы подбросить этот конверт, он сильно рисковал – проник в кабинет через окно, явно зная, что в приемной сидит полицейский. Для чего это было ему нужно?

Надежда уже готова была ответить на этот вопрос, как вдруг из-за двери до нее донесся голос полицейского.

– До чего пацаны распустились! – вещал он секретарше. – Никакого уважения к старшим! Я уж не говорю про полицию... разве мы в таком возрасте...

Надежда вскочила, торопливо засунула конверт с фотографиями за пазуху, заперла ящик и бросилась к дверям.

Возле двери она остановилась, отдышалась, придала себе спокойный деловой вид и как ни в чем не бывало вышла в

приемную. В самую последнюю секунду явилась плодотворная идея, и Надежда прихватила с собой проволочную корзину, заполненную бумажным мусором.

— Пыль я там вытерла, — сообщила она секретарше, которая смотрела на нее круглыми от испуга глазами. — А уж влажную уборку потом сделаю, может, завтра... а то у меня и моющие средства кончились, а я Валентине Степановне говорю, что мыть нечем, а она говорит, мне-то какое дело, тебе надо — ты и покупай, а я ей говорю, чего это я за свои кровные буду покупать моющие средства...

С этими словами она пересекла приемную и взялась за ручку двери, держа под мышкой корзину.

Только тогда полицейский опомнился и рывкнул:

— Кто пустил? Почему пустил? Почему без разрешения?

— Вы ее видите? — залепетала сообразительная секретарша. — Ее попробуй не пусти, это такой человек... а я не часовой, чтобы кабинет сторожить... вам велено, вы и сторожите, а то сам убежал куда-то, а я виновата...

Полицейский, сообразив, что его вина действительно налицо, густо покраснел и стал оправдываться, но Надежда этого уже не слышала — она захлопнула за собой дверь и скатилась по лестнице, по пути забросив корзину в мужской туалет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.